
Стася Качиньска
РАНЕНОЕ КОРОЛЕВСТВО
18+
18+

Стася Качиньска
Раненое королевство

https://litres.ru/74830477
SelfPub; 2026

Аннотация

После несчастного случая я потеряла память и очнулась во дворце чужого королевства.

В Эйрхольме любая ошибка может стоить жизни, особенно если оказаться втянутой в борьбу за престол.

Каллум, четвёртый принц, — моя погибель. Он скрывает лицо под маской, и даже собственные слуги боятся его.

И всё же именно он может стать моим единственным шансом выжить среди придворных интриг и раскрыть тайну собственного прошлого.

От автора: «Раненое королевство» — первая книга трилогии. Продолжение истории уже в планах, выход второй части ожидается в ближайшие месяцы.

Также хочу отметить, что некоторые архетипы персонажей были навеяны корейской дорамой «Алые сердца: Корё». Однако «Раненое королевство» — самостоятельная, полностью переосмысленная история с оригинальным миром, событиями и развитием персонажей. Это не пересказ и не прямая адаптация дорамы.

Спасибо, что открыли эту книгу.

Приятного чтения!

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	51
Глава 3	81
Глава 4	97
Глава 5	120
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Стася Качиньска
Раненое королевство

От автора

Здесь собраны композиции, передающие атмосферу истории, характеры героев, их переживания и чувства, которым порой невозможно дать имя.

В плейлисте:

Bad Omens — *Dying to Love*
From Ashes to New — *Forever*
From Ashes to New — *Die for You*
Mos Elian — *Find Me*
Imaginex Music World — *Kamin (Male — English version)*

Тем, кого мы любили сильнее, чем умели признаться.

Пролог

Я очнулась под водой.

Попыталась открыть глаза, но почти ничего не увидела. Перед лицом колыхалась мутная зелёно-серая толща, в которой расплывались редкие отблески света. Я не знала, насколько далеко находилась поверхность и была ли она там вообще. Руки сами пришли в движение: пальцы скользнули по воде, ноги беспомощно дёрнулись в поисках опоры, но под ними оказалось пусто. Паника поднялась мгновенно, вытесняя все мысли. Лёгкие уже невыносимо требовали воздуха.

Я рванулась вверх, направляясь к единственному источнику света. С каждым движением тело становилось тяжелее, в груди разгоралось жжение, пальцы немели. Я гребла из последних сил, почти не понимая, куда плыву, и продолжала двигаться, даже когда казалось, что воздуха не хватит ещё на один взмах. Свет становился ярче. Ещё немного. И наконец поверхность разорвалась над моей головой.

Я вынырнула с таким судорожным вдохом, что он больше походил на крик. Воздух обжёг горло, грудь пронзило болью, а меня согнуло пополам от кашля. Вода хлынула изо рта и носа, стекала по подбородку и шее. Я хватала воздух снова и снова, не в силах сделать полноценный вдох, пока тело постепенно приходило в себя после пережитого.

Голова раскалывалась. В висках тяжело пульсировала кровь, перед глазами плавали мутные пятна, а звуки доносились словно издалека. Я различала собственное дыхание, тихий плеск воды и какой-то неясный шум вокруг, но пока не могла понять, откуда он исходил. Несколько раз медленно вдохнула, стараясь успокоиться, и только тогда заметила, что вода горячая.

Сначала я решила, что мне показалось. После того как я едва не захлебнулась, тело могло неправильно воспринимать любые ощущения. Однако стоило немного пошевелиться, как горячая вода снова коснулась кожи. Над поверхностью поднимался пар, тонкими белыми полосами скользил по воде и скрывал всё, что находилось дальше нескольких метров.

Я моргнула, пытаясь прогнать остатки мутной пелены, и медленно повернула голову.

Передо мной не было берега. Прямо из воды поднималась неровная каменная стена, почти отвесно уходящая вверх. Тёмный камень блестел от влаги, а между выступами собирались тонкие струйки, бесшумно стекавшие обратно в бассейн. За пеленой пара угадывались другие стены, колонны и высокие конструкции. Зрение всё ещё подводило, поэтому очертания постоянно расплывались, стоило мне попытаться их рассмотреть. Воздух пах минералами и чем-то металлическим. Ни один из этих запахов не вызывал узнавания.

Впереди обозначился силуэт. Сначала он напоминал тём-

ное пятно, которое плавало перед глазами, но постепенно обретал очертания. Я протёрла лицо мокрой ладонью и попыталась сфокусировать взгляд.

В воде стоял человек и неподвижно смотрел на меня. Его глаза были настолько светлыми, что казались почти прозрачными. На лбу виднелась повязка с тонкой вышивкой, мокрые волосы прилипли ко лбу, а по обнажённым плечам стекали капли воды.

Несколько долгих секунд мы просто смотрели друг на друга. Затем парень испуганно дёрнулся, словно я появилась из ниоткуда и нарушила все законы мироздания. Он вскрикнул, отшатнулся и вскинул руки в защитном жесте. Кажется, я напугала его ничуть не меньше, чем он меня.

Где я?

Парень резко обернулся через плечо и что-то крикнул тем, кого я не могла видеть. Большую часть его слов заглушал гул в моей голове, но одно прозвучало отчётливо и неожиданно понятно:

— Девушка! Тут девушка!

Его голос донёсся до меня из-за клубов пара. Я попыталась повернуть голову в ту сторону, куда он смотрел, но пространство снова поплыло. Белёсая пелена становилась плотнее, свет над водой резал глаза, а тело налилось такой тяжестью, что удерживать голову над поверхностью становилось всё труднее. Прежде чем зрение окончательно затуманилось, я успела заметить ещё двоих мужчин по краям странного во-

доёма.

Их силуэты проступали сквозь пар почти призрачными очертаниями. Постепенно взгляд начал цепляться за детали: длинные одежды из тяжёлой ткани, сложные узоры на воротниках и рукавах, глубокие насыщенные оттенки, которые казались совершенно неуместными в этом месте. Оба смотрели на меня с таким же ошеломлением, как и парень в воде.

Ноги перестали держать меня. Пространство качнулось, и я медленно опустилась вниз, уже не пытаясь сопротивляться. Колени коснулись дна. Под ними оказался удивительно гладкий и тёплый камень. Почему-то именно это простое ощущение стало единственным, чему я могла доверять среди всего происходящего. Я обхватила себя руками и погрузилась в воду почти по самый подбородок, стараясь укрыться от чужих взглядов хотя бы настолько, насколько позволяла глубина.

Мне хотелось закрыть глаза, позволить теплу забрать остатки напряжения и хотя бы на несколько минут перестать пытаться понять, где я нахожусь. Голова продолжала кружиться, а окружающий мир медленно терял очертания. Казалось, что падение всё ещё продолжается, хотя я давно сидела неподвижно на дне источника. Если бы не голоса вокруг и чужие взгляды, которые я ощущала почти физически, то, наверное, уже уснула бы прямо в воде.

Тем временем парень выбрался из источника. Он схватил лежавший на камнях халат и торопливо натянул его,

несколько раз путаясь в рукавах. Руки у него заметно дрожали, а взгляд то и дело возвращался ко мне, задерживаясь всего на секунду, прежде чем парень снова отворачивался.

Один из мужчин, стоявших у края источника, наконец сделал шаг вперёд. Его темно-русые волосы были аккуратно собраны в низкий пучок, ни одна прядь не выбивалась наружу. Одежда на нём казалась проще, чем у остальных, однако при ближайшем рассмотрении я заметила тонкие узоры, вплетённые в тёмный материал.

— Стража!

Одного слова оказалось достаточно. За каменными арками раздались быстрые шаги, вскоре сменившиеся топотом множества ног и звоном металла. Звук стремительно приближался, пока во двор один за другим не вбежали вооружённые люди.

Я застыла.

На них была тёмная плотная одежда, поверх которой крепились кожаные ремни. Высокие сапоги доходили почти до колен, за спинами и на поясах виднелись мечи, копья и другое оружие, назначение которого я не успевала разглядеть. Сердце снова забилось чаще. Голова была одновременно пустой и переполненной, а вопросы, на которые я не находила ответов, множились с каждой секундой.

Кто все эти люди? Что это за место?

Стража среагировала быстро. Я даже не успела понять, кто оказался рядом первым, — только почувствовала креп-

кую руку под локтем и осторожное движение, заставившее меня подняться. Сопротивляться не было сил. Тело казалось тяжёлым и чужим, мышцы почти не слушались, поэтому я позволила поднять себя на ноги. Покачнувшись, впервые за всё это время посмотрела на себя.

По крайней мере, я была не голая.

Облегчение оказалось настолько сильным и неожиданным, что на секунду мне захотелось рассмеяться. На мне было серое плотное платье до щиколоток. Ткань отяжелела от воды и липла к ногам, а холодный воздух пробирался сквозь неё, заставляя кожу покрываться мурашками.

Меня вывели из источника. Ноги плохо слушались, и я почти полностью полагалась на стражников, которые вели меня по каменной дорожке. Я смотрела под ноги, стараясь не потерять равновесие, когда за спиной раздался голос парня с повязкой на лбу:

— Кто это?.. Что она тут делает?

Я подняла голову. Он стоял чуть в стороне, всё ещё придерживая на себе халат, и растерянно смотрел на меня. Затем перевёл взгляд на русоволосого мужчину, который тоже не сводил с меня глаз. Его взгляд скользнул по мокрой одежде, задержался на прилипшей к телу ткани и поднялся к лицу.

Я не знала, что делать и чего от меня ждут, поэтому продолжала идти, стараясь рассмотреть место, в котором оказалась. Между десятками источников тянулись выложенные

камнем дорожки. Над каждым поднимался густой пар, собираясь под сводами белыми облаками и медленно растекаясь по огромному двору.

Как же холодно…

Дрожь становилась всё сильнее. Зубы стучали, пальцы немели, а руки казались неподъёмными. Я пыталась сосредоточиться на дороге и стражниках рядом, но изображение то приближалось, то отдалялось, и удержать взгляд на одной точке не получалось. Каменная дорожка под ногами слегка накренилась. Или это накренился весь мир?

Мне уже было почти всё равно, куда меня ведут, кто эти люди и что произойдёт дальше. Хотелось только одного — закрыть глаза и позволить темноте снова забрать меня. Хотя бы ненадолго избавить от холода, шума, чужих голосов и бесконечного количества вопросов, на которые у меня не было ни одного ответа.

Именно тогда перед нами появилась девушка.

Она вышла навстречу настолько уверенно, что стражники остановились без единого слова. На ней было тёмное платье строгого покроя, спускавшееся почти до земли, поверх него — чистый белый фартук. Волосы скрывал аккуратно завязанный кружевной чепчик. Девушка подошла ко мне вплотную и, не произнеся ни слова, взяла за подбородок тёплыми пальцами, заставляя поднять лицо.

Она быстро осмотрела меня, задерживаясь на мокрой одежде. Затем отпустила подбородок и повернулась к страж-

никам.

— Её приказано доставить к госпоже.

Госпоже?

Вопросов стало слишком много. Сознание больше не могло удерживать их все одновременно, и я перестала пытаться. Стражники снова повели меня вперёд. Я чувствовала их руки, холод камня под босыми ногами и собственное тяжёлое дыхание, но всё остальное постепенно отдалялось. Голоса становились глуше, очертания людей расплывались, а свет превратился в мутное пятно.

Я ещё успела подумать, что на этот раз не боюсь темноты.

А потом она снова накрыла меня, и я потеряла сознание.

Глава 1

Королевство Эйрхольм

Каллум

Ненавижу эти ветры.

Они всегда приходят раньше настоящего холода, принося с собой запах мокрого камня, сухой травы и долгой зимы, которая пока стоит где-то за горизонтом, но уже чувствуется в каждом вдохе. Осень в Эйрхольме никогда не задерживается надолго. Несколько недель серого неба, выцветших холмов и тонкого инея по утрам — и снег накрывает землю до самой весны. Сейчас зима ещё не вступила в свои права, но её приближение ощущалось повсюду: воздух стал прозрачнее, холод царапал горло, а далёкие скалы казались непривычно близкими.

Я гнал жеребца через холмы, не сбавляя хода. Под седлом перекатывались его мощные напряжённые мышцы, копыта тяжело били по промёрзшей земле, разбрасывая серебристую корку инея.

Серые холмы тянулись до самого горизонта. На юге такие места наверняка назвали бы суровыми, а потом придумали бы какую-нибудь красивую историю для песни. Мне всегда казалось, что Эйрхольм больше похож на старого воина, пережившего слишком много сражений: изуродованного шрамами, молчаливого и не слишком дружелюбного, но честно-

го до жестокости. Здешняя земля никогда не обещала большего, чем могла дать. Наверное, именно поэтому я ей доверял.

За моей спиной двигался отряд. Я не оборачивался ни разу за всю дорогу, но прекрасно знал, где находится каждый всадник. Слышал звон металла, скрип ремней, тяжёлое дыхание лошадей и равномерный стук копыт. Эти люди следовали за мной достаточно долго, чтобы понимать приказ ещё до того, как я успевал его произнести. Хорошие воины и неплохие убийцы. В Эйрхольме это означало почти одно и то же.

Чем выше мы поднимались, тем сильнее становился ветер. Он бил в лицо, забирался под воротник и пробирался холодом под одежду, заставляя плащ за спиной хлопать с каждым порывом. Тяжёлая чёрная ткань тянулась за мной, распущенные волосы лезли в лицо, но я не обращал на них внимания. Обычно перед дальней дорогой я заплетал их, однако сегодня не хотел тратить на это время.

Железная маска неприятно холодила кожу. Металл плотно прилегал к скуле и челюсти, и этот вес давно перестал ощущаться. Иногда я даже ловил себя на мысли, что без маски становилось неуютно.

Вдали показался замок. Тёмные стены поднимались над холмами, а высокие башни вонзались в выцветшее небо. Флаги над ними почти не двигались, хотя ветер здесь, на высоте, рвал плащ с такой силой, что приходилось крепче дер-

жать поводья.

Я направил жеребца вниз по склону. Дорога покрылась тонким слоем инея и опасно поблёскивала под редкими лучами солнца, но конь не сбавлял шага. Он знал эту местность не хуже меня и шёл уверенно, словно тоже чувствовал приближение дома.

Город остался в стороне. Я свернул с основной дороги ещё до первых домов и повёл отряд по старому объездному пути. Так было быстрее, да и желания встречаться с местными у меня не возникало. Издалека я видел дым, поднимавшийся над крышами, различал силуэты людей возле колодцев и конюшен, но приближаться не собирался. Они всё равно узнали бы меня. Всегда узнавали, даже если отворачивались сразу после этого.

За годы я научился различать страх и презрение не хуже, чем запах дождя или дыма. В Эйрхольме хватало и того и другого. Здесь меня уважали достаточно, чтобы подчиняться приказам, но этого никогда не было достаточно, чтобы любить.

Ворота внутреннего двора открылись ещё до нашего приближения. Створки медленно разошлись в стороны, пропуская всадников, и звук копыт сразу изменился. Вместо мягкого стука по промёрзшей земле под ними загудел камень. Гул разлетелся по стенам и вернулся эхом. Я въехал во двор первым и только тогда перевёл жеребца на шаг.

Замок встретил меня привычным холодом. Здесь всегда

пахло одинаково — влажным камнем, железом, дымом и властью. Некоторые ароматы не меняются столетиями.

Я спрыгнул на землю и передал поводья ближайшему воину. Тот молча забрал их, уже разворачивая коня к конюшням, а я успел лишь бросить:

— Напоите и накормите. Он шёл долго.

Люди тут же разошлись по двору.

Я стянул перчатки, сунул их за пояс и сразу заметил человека, ожидавшего у стены. Он стоял неподвижно, спрятав руки в рукава тёмной накидки. Седые волосы трепал ветер, худое лицо оставалось бесстрастным, а внимательный взгляд цеплялся за каждую мелочь. Я знал этого человека с детства.

Советник короля по имени Олдриг.

Седовласый приблизился на несколько шагов.

— Добро пожаловать в Эйрхольм, принц.

Его голос звучал мягко и ровно. Этот мужчина десятилетиями жил среди придворных интриг и давно научился скрывать настоящие мысли за безупречно подобранными словами.

Я прошёл мимо, даже не задержавшись.

— Я хочу видеть королеву, — произнёс я на ходу. — Свою мать.

Между нами повисла короткая пауза. За спиной послышался недовольный вздох советника.

Седовласый остался на месте.

— Её величество отдыхает, — ответил он. — День был

тяжёлым.

Я усмехнулся без улыбки.

— Передай своим господам, что я давно вырос и больше не верю в сказки.

На пожилом лице ничего не изменилось. Хорошая выучка. Десятилетия службы научили его сохранять невозмутимость при любых обстоятельствах.

— Королева сегодня не ждёт гостей, — произнёс он после короткой паузы.

На этот раз я всё-таки посмотрел ему в глаза.

— Она никогда меня не ждала.

Слова прозвучали чересчур спокойно. Я и сам не сразу понял, осталась ли во мне прежняя обида или за прошедшие годы от неё уже ничего не сохранилось.

Где-то за спиной заржал конь, послышались голоса, звяканье сбруи и шаги людей, занятых своими делами. Двор продолжал жить обычной жизнью. Моё появление ничего не изменило.

Я отвернулся прежде, чем Олдриг успел ответить, и направился к замку.

Широкая лестница поднималась к распахнутым дверям, за которыми царила темнота. Снизу вход казался чёрным провалом в толще камня, и с каждым шагом стены вокруг становились выше и тяжелее. Холодный камень, узкие бойницы, высокие стены, пережившие поколения правителей и войны, о которых теперь напоминали лишь шрамы на клад-

ке. В этих стенах веками принимали решения, заключали союзы, нарушали клятвы и проливали кровь. Секретов у Эйрхольма было больше, чем окон в его башнях.

Мои братья называли этот замок домом. Но дом — это место, куда хочется вернуться, где тебя ждут не потому, что так велит титул или долг.

Я не скучал по замку и не забыл о прошлом. Я вернулся в Эйрхольм, потому что это моё королевство по праву рождения. По праву крови.

И теперь мне предстояло занять своё место в нём.

***

Когда я открыла глаза снова, первое ощущение оказалось почти обманчивым. Несколько секунд я лежала неподвижно, пытаясь понять, где нахожусь. Сознание возвращалось медленно, оставляя после себя вязкую пустоту, в которой не находилось ни одной мысли, способной объяснить происходящее.

Я посмотрела вверх.

Надо мной раскинулся тяжёлый балдахин, украшенный узорами из листьев, цветов и незнакомых символов. Плотная ткань спускалась с высокого деревянного каркаса мягкими складками, частично скрывая потолок, но я всё равно различала массивные резные балки. Сквозь высокие окна проникал солнечный свет, проходил через цветные витражи и ложился на стены золотыми, янтарными и медными пятнами.

Кровать была огромной. На ней спокойно могли разместиться несколько человек. Тёплые одеяла пахли травами, простыни оказались мягкими, а воздух сохранял сладковатый аромат, происхождение которого я не могла определить. Каменные стены украшали гобелены с вышитыми горами, реками и странными животными, некоторые из которых я прежде никогда не видела. Мебель была массивной, сделанной из тёмного дерева, отполированного до глубокого блеска. Возле окна стоял небольшой столик с керамическими сосудами, наполненными маслами, и пучками засушенных растений.

Я заставила себя сесть. Голова тут же отозвалась тяжёлой болью, перед глазами потемнело, и мне пришлось замереть, пережидая головокружение. Когда стены перестали покачиваться, я осторожно опустила ноги на пол и только тогда заметила, что на мне другая одежда.

Серое платье исчезло. Вместо него была длинная светлая сорочка из мягкой ткани, почти полностью скрывавшая тело, а на ногах — плотные белые чулки.

Кто-то меня переодел.

Я провела ладонью по волосам. Они были сухими и аккуратно расчёсанными. От воды, в которой я оказалась, не осталось ни следа: ни мокрых прядей на шее, ни тяжести промокшей одежды.

Краем глаза я заметила зеркало в дальнем углу. Поднялась слишком резко, и мышцы тут же отозвались болью, но оста-

навливаться не стала. Мне нужно было увидеть себя. Если я ничего не могла вспомнить, то хотя бы собственное лицо должно было остаться знакомым.

Я пересекла комнату и остановилась перед зеркалом, вцепившись пальцами в деревянную раму.

Из отражения на меня смотрела я. Ничего не изменилось: ореховые глаза, длинные ресницы, небольшой нос, знакомая линия губ. На нижней губе виднелась маленькая ссадина, уже покрывшаяся тонкой полоской зажившей кожи. Я коснулась её пальцами, и отражение повторило движение. Интересно, откуда появилась эта царапина?

Я долго всматривалась в собственное лицо, пытаясь почувствовать хоть что-нибудь, узнать эту девушку не глазами, а чем-то глубже, найти внутри хотя бы одно знакомое ощущение, которое подсказало бы, кто она такая. Но ничего не происходило.

Это лицо было моим. Я знала это так же точно, как знала, что у меня две руки и два глаза. Но больше не помнила ничего. Даже не могла сказать, сколько мне лет, где жила, кто меня ждал и были ли у меня друзья или семья. Не знала, как оказалась в воде, откуда пришла и почему теперь лежала в этой комнате.

Дверь открылась почти бесшумно.

Я вздрогнула и отступила, пока колени не упёрлись в край кровати, и опустилась на неё, судорожно сжимая ткань сорочки.

Первой вошла знакомая служанка. Я узнала её сразу: именно эта девушка забрала меня у стражников. Следом появилась другая гостья, и я невольно выпрямилась.

На вид ей было не больше двадцати пяти. Светлые волосы собраны в сложную высокую причёску, сплетённую из десятков тонких прядей. Несколько локонов мягко касались висков и шеи, смягчая строгие линии лица. Ярко-синие глаза сразу притягивали внимание, а небольшая родинка на левой щеке делала её черты менее безупречными и оттого ещё более живыми.

Но платье заставило меня забыть обо всём остальном.

Я никогда не видела ничего подобного. Глубокий рубиновый цвет казался почти живым, а тяжёлая ткань переливалась при каждом движении. Корсет сидел точно по фигуре, длинный подол мягко скользил по полу, а полупрозрачная накидка лежала на плечах, дополняя наряд. Весь её облик выглядел настолько необычно, что я несколько секунд просто молча смотрела на неё.

Как же красиво.

Девушка первой нарушила неловкое молчание:

— Тебе не стоит бояться.

Голос оказался мягким и тёплым, совсем не похожим на резкие голоса мужчин, окружавших меня раньше. Слова прозвучали почти успокаивающе, но страх никуда не исчез. Я хотела ответить, хотя бы кивнуть, однако горло обожгло сухой болью. После воды каждый вдох отдавался неприят-

ным жжением, и вместо ответа я только сильнее вжалась в подушки.

Служанка осталась возле двери. Девушка в рубиновом платье подошла ближе и осторожно присела на край кровати, стараясь не делать резких движений. Теперь я могла рассмотреть её лучше. От неё пахло свежими розами — влажными, с лёгкой прохладой лепестков. Этот аромат неожиданно подействовал на меня успокаивающе, хотя я не могла понять почему.

— Ты из деревни? — спросила она.

Деревни?

Я посмотрела на гостью, пытаясь понять, что именно она хочет узнать.

— Я…

Голос снова сорвался в хрип. Я сглотнула, но горло болезненно сжалось.

— Я не знаю.

Светлые брови девушки едва заметно поднялись.

— Не знаешь?

Я слабо покачала головой. Несколько секунд она внимательно смотрела на меня, и от этого взгляда я почувствовала себя ещё беспомощнее.

— Тогда откуда ты родом?

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Попыталась заглянуть внутрь себя, вспомнить хотя бы название поселения или любую деталь, которая помогла бы разгадать

эту головоломку. Память оставалась пустой.

— Я не помню, — наконец ответила я, опустив взгляд.

На этот раз девушка не стала переспрашивать сразу.

— Тебя нашли в купальнях, — произнесла она после короткой паузы. — И не просто в городских. Это купальни принцев. Туда невозможно попасть случайно.

Под рёбрами неприятно сжалось. Я снова увидела перед собой горячую воду, белый пар, мужчину с собранными волосами и вооружённых людей, окруживших меня сразу после того, как я вынырнула.

— Я очнулась в воде, — тихо напомнила я. — Но не помню, как упала в неё.

Девушка выслушала меня, не перебивая. В её взгляде появилась настороженность.

— Ты понимаешь, почему это вызывает вопросы? Ни одна девушка из Эйрхольма не оказалась бы там без причины.

Эйрхольм.

Слово прозвучало совершенно отчётливо, но осталось незнакомым. Я повторила его про себя, пытаясь найти хоть какую-нибудь ассоциацию, однако память не откликнулась.

— Кто вы? — спросила я, подняв глаза.

Незнакомка внимательно посмотрела на меня.

— Ты не знаешь?

— Я… не помню.

Она на мгновение переглянулась со служанкой.

— Приведи лекаря.

— Нет!

Я сама не ожидала, что испугаюсь настолько сильно.

— Пожалуйста, не надо. Я не больна.

Девушка посмотрела на меня, и я особенно остро ощутила разницу между нами. Она сидела рядом в роскошном рубиновом платье, спокойная и собранная, с ароматом цветов, исходящим от волос и одежды. Я же была босой, в чужой сорочке, с пересохшим горлом и пустотой в голове, которая с каждой минутой становилась всё страшнее.

— Успокойся, — мягко сказала гостья. — Если ты действительно потеряла память, лекарь поможет понять, что с тобой произошло. Никто не причинит тебе вреда.

Я несколько секунд смотрела в её синие глаза, пытаясь решить, могу ли ей верить.

— Где я? — наконец спросила я. Во рту снова пересохло. — Пожалуйста… скажите.

Ответ последовал почти сразу, без малейшего сомнения. Видимо, для девушки этот вопрос был самым простым из всех, что я успела задать.

— Ты находишься в Альмарене. Столице королевства Эйрхольм.

Два незнакомых названия, которые теперь почему-то должны были объяснить мне всё.

Девушка продолжила:

— Во дворце третьего принца. Его высочества Люциана.

Значит, Эйрхольм — королевство. Каждое новое слово

только сильнее отдаляло меня от понимания.

— А вы?..

Синеглазая блондинка слегка улыбнулась. На этот раз улыбка была простой и неожиданно тёплой.

— Его жена.

Она выдержала короткую паузу и назвала своё имя:

— Меня зовут Селия.

В этот момент дверь снова открылась, и на пороге появилась невысокая пожилая женщина в тёмно-зелёном платье. На ней не было ни украшений, ни вышивки, ни других деталей, способных привлечь внимание, но почему-то именно она выглядела здесь наиболее естественно. В её движениях не чувствовалось придворной выверенности, а взгляд оставался спокойным и внимательным.

— Ложись, дитя, — мягко сказала лекарка.

И почему-то я подчинилась. Сил спорить или сопротивляться действительно почти не осталось. Я опустилась обратно на подушки и снова посмотрела на потолок. Балдахин, витражный свет, тяжёлые балки, Селия в рубиновом платье и пожилая женщина рядом с кроватью складывались в картину, которая казалась слишком подробной, чтобы быть сном.

Я всё ещё не хотела в это верить. Почти незаметно для остальных ущипнула себя за бок, сильнее, чем собиралась. Боль вспыхнула мгновенно и вполне убедительно. Я замерла, глядя на цветные пятна света на потолке, и впервые позволила себе принять очевидное.

Я не сплю.

Лекарка уже склонилась надо мной. Её ладони легли мне на виски, и от них исходило приятное тепло, постепенно снимающее напряжение. Женщина действовала спокойно и уверенно, выполняя знакомую работу, которую, судя по всему, проделывала сотни раз. Она проверила мой пульс, осторожно приподняла веки, коснулась шеи, ключиц и запястий, внимательно следя за моей реакцией.

— Головная боль? — спросила лекарка, не поднимая взгляда.

Я кивнула.

— Тошнота?

Я снова кивнула.

— Тяжесть в груди?

— Да, — ответила я почти шёпотом.

Собственный голос показался мне непривычно слабым.

Женщина выпрямилась и посмотрела на Селию. Они обменялись пониманием, которого у меня не было, и, кажется, приняли решение о том, что со мной происходит, пока я лежала перед ними и не могла вспомнить даже собственного имени.

— С девушкой не всё в порядке, — произнесла лекарка. — Но её состояние объяснимо.

Я напряглась.

— Скорее всего, она из Лоэнвика. Там быстрая река и опасный берег. Люди часто падают в воду. Вероятно, она уда-

рилась головой о камни. Течение могло унести её вниз по реке и вынести к купальням его высочества.

Лекарка говорила с такой уверенностью, что на мгновение мне стало страшно от простоты, с которой незнакомые люди уже складывали для меня целую историю. Они не знали, кто я, но у них находилось объяснение моему появлению здесь: место, откуда я якобы пришла, причина, по которой оказалась в воде, и даже обстоятельства, при которых могла потерять память.

А я не могла подтвердить ни одного слова.

— Судя по её состоянию, какое-то время она не дышала, — продолжила женщина. — Воды в лёгких немного, но организму явно не хватало воздуха. Подобное нередко влияет на память. Иногда разум сам закрывает то, с чем не способен справиться.

Селия задумчиво посмотрела на меня.

— Память может вернуться?

В её голосе впервые прозвучало что-то личное. Не просто любопытство или желание разобраться в странном происшествии. Ей действительно хотелось знать ответ.

Лекарка слегка пожала плечами.

— Возможно. А может, и нет.

Она ненадолго замолчала, продолжая внимательно смотреть на меня.

— Но это не всегда плохо. Иногда забыть — значит выжить.

Слова застряли внутри. Я хотела вспомнить хотя бы что-нибудь: имя, место, лицо, голос, любую деталь, которая вернула бы мне ощущение самой себя. Но память оставалась недоступной, и от этого становилось всё тревожнее.

Селия поднялась с кровати и едва заметно кивнула служанке.

— Принеси ей воды и что-нибудь поесть. Лёгкое и тёплое.

Служанка склонила голову и бесшумно вышла из комнаты. Я слышала собственное дыхание и тихое потрескивание огня где-то за пределами спальни. Селия повернулась ко мне.

— Ты помнишь своё имя?

Я замерла. Имя должно было быть чем-то очевидным, первым, что человек может назвать о себе. Оно не требовало размышлений и не зависело от чужих объяснений. Я перебрала в голове всё, что только могла, но не нашла даже этого.

Я не знала, как меня зовут.

— Нет.

Я покачала головой, продолжая смотреть на узоры витражей и солнечные пятна, лежавшие на каменном полу.

— Я вообще ничего не помню, — добавила я, сглотнув комок в горле.

Селия коротко кивнула. Возможно, после всего услышанного от лекарки такой ответ уже не казался ей неожиданным.

— Тогда не стоит сейчас заставлять себя вспоминать. Отдых поможет больше любых расспросов.

Она подошла ближе и поправила край покрывала у моих ног. Движение было почти материнским и неожиданно мягким, хотя я всё ещё не знала, могу ли ей доверять. Не понимала, где заканчивается искренняя забота и начинается распоряжение чужими судьбами.

— Мы поговорим позже, — продолжила Селия. — Когда ты окрепнешь, решим, что делать дальше.

Я молча смотрела на неё. Она направилась к двери, но уже на пороге остановилась и ненадолго обернулась. Её взгляд задержался на мне, после чего дверь закрылась.

Я осталась одна.

В огромной чужой комнате, среди каменных стен, тяжёлых тканей и солнечного света, который медленно перемещался по полу. Пока я сама не понимала, кто я такая, единственным разумным решением было как можно меньше говорить и как можно больше слушать.

Кровать с балдахином оставалась единственным предметом в комнате, который хоть немного удерживал меня в реальности.

Несколько часов я провела на ней почти неподвижно, прислушиваясь к тишине чужого дворца. Постепенно находиться на одном месте стало невыносимо: стены давили, воздух казался тяжёлым, а тишина лишь усиливала тревогу. Я заставила себя подняться. Ноги всё ещё ощущались ватными, но держали, поэтому я медленно пересекла комнату и подошла к окну.

Оно оказалось высоким, почти во всю стену, с тяжёлой деревянной рамой и слегка мутным стеклом, искажающим мир за пределами комнаты. Я положила ладони на холодный подоконник и выглянула наружу.

Ничего знакомого.

Каменные дорожки пересекали внутренний двор, уходили между голыми деревьями и низкими кустами, припорошенными инеем. Ветки чернели на фоне постепенно темнеющего неба, вытягиваясь вверх тонкими переплетёнными линиями. Людей почти не было. Иногда вдали появлялась одинокая фигура в длинной одежде, но вскоре исчезала за арками и галереями.

Сумерки подкрадывались незаметно. Небо теряло дневные краски, становилось серо-синим и холодным, а иней на траве начинал отливать тусклым серебром. Двор погружался в тени, и каменные стены казались ещё выше.

Я отошла от окна и некоторое время стояла посреди комнаты, не зная, чем себя занять. Потом машинально подошла к двери и опустила щеколду.

Жест получился почти детским и совершенно бесполезным. Если кто-то действительно захочет войти, тонкая деревянная задвижка его не остановит. Но после всего, что произошло, даже такая иллюзия контроля казалась мне чем-то ценным. Щелчок прозвучал неожиданно успокаивающе.

За весь день ко мне больше никто не приходил. Возможно, обо мне забыли или намеренно оставили одну, решив,

что после случившегося мне нужно время. Я не знала, какой вариант хуже.

Лишь однажды появилась служанка. Она вошла почти бесшумно, поставила на стол поднос с едой и водой и так же тихо вышла. На меня девушка почти не смотрела, словно боялась задержать взгляд дольше положенного.

Есть не хотелось, но я всё же заставила себя съесть несколько кусочков мягкой лепёшки, похожей на пресный хлеб, выпила немного прозрачного бульона с мелко нарезанными травами и сделала несколько глотков тёплой воды. У неё оказался лёгкий металлический привкус, от которого я поморщилась.

Тошнота всё ещё накатывала волнами. Стоило резко повернуть голову или слишком быстро подняться, как комната начинала медленно покачиваться. В висках глухо стучало, а внутри черепа сохранялась тяжёлая тупая боль.

За дверью время от времени раздавались неторопливые шаги. Через некоторое время я почти научилась узнавать их: это была одна и та же служанка. Она подходила к двери, негромко стучала, ждала несколько секунд и уходила, так и не получив ответа. Каждый раз я пряталась под одеяло, задерживала дыхание и закрывала глаза, изображая сон.

Глупо, но пока это работало.

Я слышала, как шаги удаляются по коридору, и только тогда позволяла себе выдохнуть. Прятаться бесконечно всё равно не получится. Рано или поздно кто-нибудь войдёт сю-

да и снова начнёт задавать вопросы.

А что я смогу ответить?

Снаружи окончательно стемнело, но никто так и не пришёл зажечь свечи. Сначала я не обратила на это внимания, однако вскоре поняла, что в комнате стало слишком темно. В сумерках ещё можно было различать очертания мебели, теперь же они постепенно растворялись в полумраке.

Я уже собиралась снова лечь, когда услышала голоса.

Поначалу они казались частью общего шума дворца: далёкие звуки за стеной, отдельные слова, которые невозможно разобрать. Я замерла и прислушалась. Голоса становились ближе и отчётливее.

После нескольких часов неподвижности подняться оказалось непросто, но я заставила себя пересечь комнату и подойти к двери. Пол под ногами казался подозрительно громким. Каждый шаг отдавался в ушах так отчётливо, что мне чудилось, будто весь дворец слышит, как я крадусь к выходу. Остановившись возле двери, я осторожно прислонилась плечом к дереву и прижала ухо к прохладной поверхности.

Почти сразу различила мягкий, ровный голос Селии:

— Я разместила девушку в восточном крыле, в одной из гостевых комнат. Пусть останется там, пока не разберёмся с ситуацией.

Кто-то ответил ей вполголоса. Вероятно, служанка. Я не смогла разобрать слов и уже собиралась отойти, когда услышала третий голос.

Мужской, низкий, с лёгкой хрипотцой.

Он прозвучал так неожиданно, что по спине пробежал холодок.

— До сих пор никто не выяснил, кто она такая?

Голос оказался приятным, но в нём сквозило холодное раздражение.

— Вы действительно считаете нормальным, что неизвестная девушка появляется в купальнях принцев, а все делают вид, будто это случайность?

Вот оно. Наконец появился человек, который задавал правильные вопросы.

— Она потеряла память, — тихо ответила Селия. — Лекарка подтвердила. Скорее всего, произошёл несчастный случай.

— Или очень удобная ложь.

В коридоре повисла короткая напряжённая пауза.

— Она могла следить за кем-то из принцев. Или за всеми сразу. Вы слишком легко ей поверили.

Я крепче прижалась к двери. Он озвучивал именно то, чего я опасалась с самого начала. Рано или поздно кто-нибудь усомнится в моей истории и захочет проверить её.

— Я хочу поговорить с ней.

Теперь голос прозвучал ближе. Я почти услышала его шаги.

— Она не открывает, — объяснила Селия после небольшой паузы. — В комнате тихо. Возможно, уже спит.

Мне показалось, что всё обойдётся. Они уйдут, и у меня останется ещё немного времени. Хотя бы одна ночь.

Но следующий звук мгновенно разрушил эту надежду.

Глухой удар заставил дверь вздрогнуть под моей ладонью. Я отшатнулась, а сердце подпрыгнуло к самому горлу. Раздался треск дерева, щеколда жалобно хрустнула, и дверь распахнулась внутрь с такой силой, что ударилась о стену.

Я вскрикнула и отскочила назад. В проёме стоял тот самый мужчина из купален.

Высокий, широкоплечий, в тёмном, богато отделанном камзоле. Темно-русые волосы были собраны в низкий пучо. Его внимательный, острый взгляд мгновенно нашёл меня в полумраке комнаты. Кажется, он не ожидал, что его появление напугает меня настолько сильно: на долю секунды в глазах мелькнуло удивление, почти растерянность, прежде чем лицо снова приобрело жёсткое, собранное выражение.

Люциан, третий принц Эйрхольма. Муж Селии. Человек, который теперь смотрел на меня как на преступницу, ожидающую приговора.

Я не знала, куда деть руки и как вообще держаться под этим взглядом. Тело само отступило к кровати, где оставался последний островок устойчивости. Я ухватилась за край матраса, но не села — не решилась.

— Оставьте нас, — негромко произнёс Люциан, не повышая голоса.

Селия не возразила. Служанка тоже не подняла глаз. Че-

рез несколько секунд я осталась наедине с принцем.

Он сделал несколько шагов в мою сторону. Я не поднимала взгляда, но слышала приближающиеся шаги и чувствовала его внимание. Казалось, мужчина пытался понять, кто именно оказался перед ним.

— Мне сообщили, что вы потеряли память.

Вблизи его голос оказался ниже, чем я ожидала, с той же лёгкой хрипотцой, которую уже слышала раньше.

Я кивнула.

Между нами повисла пауза. Несколько секунд никто не произносил ни слова, и в конце концов я заставила себя поднять глаза. Люциан стоял достаточно близко, чтобы я могла рассмотреть его лицо: резкие черты, спокойный взгляд, едва заметные следы усталости под глазами.

А сами глаза…

Насыщенно-зелёные. Холодные и внимательные.

— Вы должны рассказать правду, — произнёс он уже жёстче. — Пока у вас ещё есть возможность говорить свободно.

Принц выдержал короткую паузу.

— Кто вы? И зачем следили за принцами?

Я даже не сразу поняла вопрос. Потом внутри всё резко сжалось.

— Я ни за кем не следила!

Голос прозвучал громче, чем я собиралась. Люциан едва заметно изменился в лице, и его взгляд стал ещё внимательнее.

нее.

— У вас странный говор, — медленно произнёс он.

Я замерла. Теперь мужчина прислушивался к каждому слову, к произношению и интонациям, пытаясь найти в моей речи что-то, что объяснило бы моё появление здесь.

— Из каких вы земель? — продолжил он. — Вы вообще из Эйрхольма?

Я покачала головой.

— Я не знаю.

Усталость снова накрыла меня тяжёлой волной. Пришлось сильнее сжать пальцы на покрывале, чтобы не закрыть глаза.

— Я ничего не помню, — повторила я. — Но точно ни за кем не следила. Я очнулась в воде. Меня вынесло туда после несчастного случая.

Слова прозвучали неубедительно даже для меня, но это было всё, что я могла сказать.

Люциан молчал, не отводя взгляда. Я видела, как он обдумывает мои слова, сопоставляет их с тем, что уже знает, и пытается найти объяснение, которое устроило бы его самого. Я не могла понять, верит он мне или нет.

Я сидела на кровати в чужой одежде, в комнате, которую не знала, перед человеком, которого называли принцем, и впервые особенно остро почувствовала собственную беспомощность. Все вокруг имели имена, положение, прошлое и место в этом мире.

У меня не было ничего из этого.

Люциан ещё несколько секунд смотрел на меня, после чего медленно выпрямился. Напряжение в его лице немного ослабло. Он принял какое-то решение.

— Я разберусь с этим.

В голосе появилась усталость, словно ситуация уже начинала его тяготить.

— Моя жена попросила, чтобы вы остались при дворе. Временно.

Я кивнула. Слово “жена” прозвучало особенно отчётливо. Селия была его супругой. Значит, всё происходящее действительно относилось к королевскому двору, а не к какой-то странной игре, смысл которой мне пока был недоступен.

— Если всё пойдёт хорошо, — продолжил Люциан после короткой паузы, — мы решим, что делать с вами дальше.

Я ожидала совсем другого: допроса, стражи, запертой комнаты, новых вопросов, на которые не могла ответить. Но вместо этого мне просто позволяли остаться. Это не было спасением. Скорее, отсрочкой.

Люциан направился к двери, но уже на пороге остановился.

— Будем надеяться, что память вернётся, — сказал он, не оборачиваясь. — Это упростило бы жизнь всем нам.

Дверь закрылась почти бесшумно, и я осталась одна.

Комната сразу показалась больше, а дышать в её огром-

ном пространстве стало труднее. Я опустилась на край кровати и обхватила себя руками. Только теперь, когда за дверью стихли шаги принца, я позволила себе выдохнуть. Вместе с воздухом из груди вышла и дрожь, которую я всё это время сдерживала. Она прошла по плечам и рукам, заставила пальцы мелко задрожать и оставила после себя только тупую, тяжёлую усталость.

Люциан не поверил мне. Я не знала, почему была в этом так уверена.

Через несколько минут дверь снова открылась. В комнату вошла служанка с подсвечником. Она двигалась быстро и привычно, зажигая свечи одну за другой. Маленькие огоньки вспыхивали, отражаясь в полированных поверхностях мебели, и постепенно разгоняли темноту по углам. Каменные стены уже не казались такими холодными и давящими. Они оставались незнакомыми, но теперь хотя бы были видны.

Я поймала на себе очередной осторожный взгляд и не выдержала:

— Мне кажется, ты меня боишься.

Служанка вздрогнула так резко, что едва не уронила подсвечник. На несколько секунд она застыла, потом неловко улыбнулась и отвела глаза.

— Немудрено бояться, госпожа, — сказала она, ставя свечу на столик. — Вы ведь появились прямо из-под воды. Как призрак. Всех напугали до полусмерти.

Девушка немного помолчала и добавила:

— Особенно пятого принца.

Перед глазами сразу возникло знакомое лицо — тот самый парень с повязкой из купален, его растерянный крик, широко распахнутые глаза и испуганное выражение. Странно, но это воспоминание оказалось первым, которое не вызвало во мне страха.

— Ты сказала “пятого”…

Я на мгновение запнулась, всё ещё не до конца понимая, какие вопросы здесь можно задавать.

— А сколько всего принцев?

Девушка задумалась лишь на секунду.

— При дворе живут четверо, госпожа.

Я медленно кивнула, перебирая в голове лица, которые уже успела увидеть. Люциан оказался третьим принцем. Пятый — тот самый мальчишка, испугавшийся меня. Ещё одного мужчину я видела у купален, но его лица толком не запомнила. Выходило, что о здешней королевской семье я знала совсем немного.

— Почему ты называешь меня госпожой? — спросила я. — Я ведь не из дворца.

Служанка посмотрела на меня внимательнее, уже без прежнего страха, и подошла к кровати, машинально поправив край моего одеяла.

— А кто знает, госпожа? Происхождение ваше неизвестно. Вдруг вы из знатного рода, а потом случилась беда. В Эйрхольме всякое бывает.

Я задумалась. В этом мире я уже успела увидеть достаточно странного, чтобы перестать считать невозможным практически что угодно.

— Наверное, — тихо ответила я.

Мы ненадолго замолчали. За стенами дворца постепенно стихали шаги. Где-то далеко закрылась дверь, послышались приглушённые голоса, а затем снова наступила тишина.

Я посмотрела на девушку.

— Как тебя зовут?

Она слегка удивилась. Видимо, не ожидала, что вопрос будет обращён к ней.

— Чесса.

— Красивое имя, — отметила я.

Служанка улыбнулась уже по-настоящему. На её лице появилось лёгкое смущение.

— Спасибо, госпожа. Жаль только, вашего имени я не знаю.

На этот раз вопрос не требовал ответа, потому что ответ у меня отсутствовал. Я опустила взгляд.

— Я тоже не знаю.

Чесса перестала улыбаться. Она не стала переспрашивать, только посмотрела на меня с сочувствием, а затем после короткой паузы осторожно произнесла:

— Госпожа… если вы не против, можно ненадолго выйти. Прогуляться вокруг дома. Я покажу вам сад и двор.

После нескольких часов в этой комнате предложение про-

звучало неожиданно. Я сразу представила холодный двор, стражу, незнакомых людей и десятки правил, о которых ещё ничего не знала.

— Разве мне… можно? — осторожно спросила я.

Чесса удивлённо вскинула брови.

— Никто не приказывал держать вас взаперти, — спокойно ответила она. — Лекарка, наоборот, велела дышать свежим воздухом. После такого падения голова может оставаться тяжёлой, а немного движения пойдёт на пользу.

Я посмотрела в сторону окна. Двор почти полностью погрузился в холодную синеву, и всё же мысль о том, чтобы выйти из комнаты, неожиданно оказалась приятной. Я слишком долго просидела здесь одна.

— Хорошо, — согласилась я даже быстрее, чем собиралась. — Я хочу посмотреть.

На лице Чессы появилось заметное облегчение.

— Тогда я принесу вам одежду.

Она вышла и вскоре вернулась с лёгким плащом бледно-розового оттенка. Ткань оказалась мягкой и тёплой. Когда Чесса накинула его мне на плечи, я впервые за весь вечер почувствовала себя немного увереннее. Следом появились ботинки — аккуратные, кожаные, с небольшим каблуком. Я осторожно надела их и сделала несколько шагов, привыкая к непривычной обуви.

— Готовы?

Я кивнула.

Когда дверь открылась, холодный воздух сразу коснулся лица. Он был влажным, свежим и пах камнем, землёй и поздней осенью. Я вдохнула глубже, задержала дыхание на несколько секунд, а затем медленно выдохнула.

Первые мгновения я просто не знала, куда смотреть. Тёмные каменные дорожки блестели тонкой коркой инея, трава по краям серебрилась от холода, а голые деревья тянули ветви к небу, переплетаясь над дорожками. Вдоль каменных стен горели фонари. Их ровный свет не разгонял темноту полностью, оставляя лишь небольшие освещённые островки среди глубоких теней.

Дом третьего принца возвышался неподалёку тяжёлым массивом камня и дерева. В окнах мерцал тёплый свет, и за каждым из них угадывалась жизнь, о которой я ничего не знала.

Мы с Чессой шли медленно. Под ногами тихо хрустел иней. Этот звук казался слишком громким в почти полной тишине, и я старалась ступать осторожнее, одновременно запоминая всё вокруг: расположение дорожек, окна, арки, башни, людей, которые изредка появлялись вдали. Мне хотелось найти в этом месте хоть что-нибудь знакомое, но ни одна деталь не вызывала мгновенного узнавания.

Я подняла взгляд на тёмные стены дворца. Если здесь есть принцы, значит, существует король. Наверняка была и королева, придворные, слуги, стража, правила и целый порядок вещей, о котором я пока не знала ничего.

— Чесса… — тихо позвала я, не останавливаясь. — А король и королева какие?

Девушка немного замедлила шаг, обдумывая ответ.

— Король строгий, — наконец сказала она. — Но его редко видят.

В моей голове сразу возник образ человека, которого уже почему-то не хотелось встречать.

— А королева?

Чесса на мгновение смягчилась.

— Красивая. Холодная, но не жестокая. Она просто держит дистанцию. Особенно с теми, кто ей не близок.

— А такие есть?

Я сама не поняла, почему спросила. Девушка едва заметно улыбнулась.

— В каждой семье есть такие, госпожа.

Я промолчала.

Мы прошли ещё немного, и сад постепенно изменился. Дорожка свернула в сторону, деревья стали гуще, а свет фонарей — слабее. За стволами тянулись длинные тени, и на несколько секунд мне показалось, что мы оказались совершенно одни.

Потом я заметила движение.

Сначала между деревьями показались два силуэта. Они приближались медленно, идя рядом. Девушка держала мужчину под руку. Я узнала их почти сразу.

Селия была в светлом струящемся платье, подол которого

скользил над покрытой инеем дорожкой. Рядом шёл Люциан в тёмном плаще. Его походка оставалась уверенной и спокойной, но сейчас в нём было что-то совсем иное. Он немного наклонился к Селии, говоря ей что-то тихое, предназначенное только для неё. Она улыбнулась и опустила взгляд.

Я замедлила шаг. Почему-то мне стало неловко. Я почувствовала себя чужой, случайно оказавшейся рядом с тем, что не предназначалось для посторонних, и отвела глаза. Однако спустя несколько секунд снова посмотрела на них.

— А какой он человек, этот принц? — спросила я почти машинально.

— Лучший мужчина в Эйрхольме, — произнесла Чесса с такой уверенностью, что я удивлённо повернулась к ней. — Справедливый и умный. Его высочество помнит людей, не обижает слуг и не наказывает без причины. Многие считают, что именно он должен стать королём.

Я снова посмотрела на Люциана. Слова Чессы никак не хотели сочетаться с мужчиной, который совсем недавно стоял передо мной в спальне и пытался разглядеть во мне угрозу двору. Холодный взгляд, жёсткий голос, вопросы о том, кто я и зачем следила за принцами. Возможно, передо мной просто были две разные стороны одного человека.

Люциан что-то сказал Селии, и она тихо рассмеялась.

Я почему-то задержала взгляд. Наверное, слишком надолго.

Потому что в следующий момент принц поднял голову, и

его взгляд сразу нашёл меня. Я даже не успела понять, заметил ли он меня случайно или следил за происходящим вокруг, как наши глаза встретились.

Я мгновенно отвернулась и сделала вид, что рассматриваю деревья впереди. Чесса продолжала что-то рассказывать о саде, но я уже почти не слышала её слов.

— Какая наглость!

Резкий голос рассёк вечерний воздух так неожиданно, что я вздрогнула и обернулась.

По дорожке к нам приближалась девушка в сопровождении нескольких служанок. Они двигались за ней ровной группой, выдерживая одинаковое расстояние. Передо мной шла не просто знатная женщина. Её свита, каждый шаг и даже то, как окружающие расступались перед ней, говорили о власти гораздо убедительнее любых титулов.

Она была высокой и держалась с почти идеальной прямотой. Темно-русые волосы собраны наполовину: верхняя часть убрана в сложную причёску, открывающую лоб и виски, а длинные пряди свободно спадали по спине. На голове поблёскивала тонкая диадема. Изумрудное платье сидело безупречно, холодно мерцая в свете фонарей, а на плечах лежал плащ того же оттенка.

Девушка остановилась в нескольких шагах от нас и посмотрела сначала на Чессу, потом на меня. Голубые глаза оказались острыми и холодными. Они были удивительно похожи на глаза испуганного принца из купален.

Чесса отреагировала первой, резко присев в глубоком книксене. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что от меня ожидают того же. Я неловко повторила её движение, едва не потеряв равновесие на непривычных ботинках.

— Ваше высочество… — голос Чессы дрогнул. — Простите нас. Мы не хотели нарушить порядок.

Принцесса даже не посмотрела на неё.

— Вы нарушили не порядок, а приличия, — произнесла она холодно.

Её пренебрежительный взгляд переместился на меня.

— Наблюдать за личной жизнью принца и его супруги недопустимо. Вы забыли, где находитесь?

Я опустила глаза. Не потому, что чувствовала себя виноватой. Просто сейчас мне хотелось исчезнуть из её поля зрения хотя бы на несколько секунд. Я действительно не собиралась подглядывать за Люцианом и Селией. Я вообще не знала, что здесь существуют подобные правила.

Чесса начала что-то объяснять, сбиваясь и путаясь, но я почти не слышала её. Принцесса уже смотрела только на меня.

— А что касается тебя…

Она сделала шаг ближе.

— Я пришла лично посмотреть на ту самую наглую девушку, которая позволила себе оказаться в купальнях моих братьев.

На её губах появилась тонкая улыбка. Меня уже определили.

Я сжала пальцы под плащом.

— Удивительное совпадение, — продолжила она. — Или ты рассчитывала, что мы поверим в историю о несчастном случае?

Раздражение вспыхнуло раньше страха. Я подняла голову.

— Если бы я знала, где окажусь, — сказала я, не успев остановить слова, — то выбрала бы место попроще. Например, без людей, которые путают высокомерие с правом судить других.

Тишина наступила мгновенно. Чесса тихо ахнула, служанки за спиной принцессы замерли. Сама девушка не шелохнулась, но её взгляд изменился: за холодом отчётливо проступило задетое самолюбие.

— Следи за языком, — произнесла она тише.

От этого голоса по спине пробежали мурашки.

— Ты здесь только потому, что мой брат слишком добр.

Я продолжала смотреть на неё, хотя сердце уже колотилось слишком быстро.

— Я позволила тебе говорить больше, чем следовало. Не думай, что можешь разговаривать со мной на равных.

Я открыла рот. Ответ уже сформировался в голове, и остановить его, скорее всего, не успела бы.

— В чём дело, Аурелия?

Голос Люциана прозвучал негромко, но этих нескольких

слов оказалось достаточно, чтобы напряжение в саду изменилось.

Он подошёл вместе с Селией и остановился рядом с женой. Его взгляд сразу нашёл сестру.

Аурелия резко повернулась к нему. Изумрудный плащ скользнул по её плечу, поймав свет фонаря.

— Эта девица ведёт себя недопустимо, — холодно произнесла девушка. — Она дерзит и забывает своё место. Я лишь напомнила ей о правилах.

Взгляд Люциана переместился на меня. Я едва удержалась от желания отвести глаза.

Селия сделала шаг вперёд.

— Девушка потеряла память, — мягко сказала она. — Она не хотела тебя оскорбить.

Принцесса посмотрела на неё с заметным раздражением.

— Ты слишком снисходительна, Селия. Поэтому при дворе и появляются подобные недоразумения.

Аурелия снова взглянула на меня. На этот раз её взгляд был коротким, окончательным и холодным.

— Я не намерена задерживаться. Приятного вечера, брат.

Она развернулась. Свита последовала за ней сразу, без единого лишнего движения. Фигуры в изумрудных и серебристых тканях исчезли между деревьями, шаги постепенно стихли, и вместе с ними ушло ощущение чужого давления.

Я только тогда поняла, что всё это время почти не дышала, и медленно выдохнула.

— Не обращай на неё внимания, — тихо сказала Селия.

Я коротко кивнула и опустила взгляд. Люциан всё ещё смотрел на меня, и теперь он знал обо мне ещё одну вещь.

Я не умею молчать, когда меня несправедливо обвиняют.

Глава 2

Каллум

Я шёл по каменным плитам, отполированным за века до холодного зеркального блеска, и с каждым шагом узнавал дворец, хотя почти всё здесь казалось мне чужим. Высокие своды, массивные колонны, узкие окна, через которые дневной свет ложился на пол длинными бледными полосами. Даже тени между факелами оставались прежними. Странное ощущение — вернуться туда, где когда-то знал каждый поворот, и обнаружить, что память сохранила это место лучше, чем чувства.

Дворец короля Эйрхольма встречал меня торжественной тишиной. Где-то за стенами шелестели дорогие ткани, звенел металл, слуги проходили по коридорам мягкими шагами, стараясь оставаться незаметными. Здесь власть не нуждалась в постоянных напоминаниях о себе. Она присутствовала в каждом гербе над дверью, в каждом поклоне перед титулом, в самой привычке окружающих выпрямляться, когда мимо проходил кто-то из королевской семьи.

Я не был здесь почти двадцать лет. Этого срока хватило, чтобы стать другим человеком, научиться принимать решения без чужого разрешения, отвечать за собственные ошибки и перестать ждать от кого-либо одобрения. Но, видимо, двадцати лет оказалось недостаточно, чтобы перестать быть

сыном своего отца.

Впереди показался приёмный зал. За его дверями меня ждал король.

Я не знал, зачем он вызвал меня в столицу, да ещё и в такой спешке. Почерк в том письме я узнал сразу: ровные строки, никаких лишних завитков и ни одного слова сверх необходимого.

“Прибыть немедленно”.

Подпись и тяжёлая королевская печать. Теперь оставалось выяснить, зачем меня действительно позвали.

Я прошёл мимо старых гобеленов, на которых короли прошлого возвышались над преклонившими колени врагами и подданными. Их лица казались суровыми и почти одинаковыми.

У самых дверей я остановился. Огромные створки из тёмного дерева украшала резьба с гербом королевского дома. Под пальцами холодил металл рукояти. За этой дверью находился человек, которого я не видел почти двадцать лет, но чьё лицо мог представить с закрытыми глазами.

Я выдохнул и толкнул дверь.

Стражники едва заметно выпрямились. Копья сместились на несколько дюймов, кожа доспехов тихо скрипнула, но никто не попытался меня остановить. Я не удостоил их взглядом.

Тронный зал встретил меня высотой и полумраком. Своды терялись под потолком, между массивными балками тем-

нели старые фрески, а в металлических чашах вдоль стен горел огонь. Его свет скользил по тёмному камню пола и выхватывал из сумрака выцветшие гобелены. В детстве зал казался мне огромным. Теперь я просто вырос.

В самом конце, на возвышении из чёрного камня, сидел король.

Мой отец. Человек, который давно перестал отделять себя от власти.

На нём был тяжёлый королевский плащ с золотистой вышивкой по краю и камзол глубокого винного цвета. Тёмные волосы, тронутые сединой, по привычке зачёсаны назад. Короткая борода подчёркивала жёсткую линию подбородка. На пальцах поблёскивали перстни — каждый из них когда-то был землёй, договором, союзом или чьей-то судьбой, превращённой в право. Отец читал пергамент.

Я остановился у возвышения, но он не поднял головы. Несколько секунд я молча стоял перед ним, чувствуя, как внутри поднимается знакомое напряжение. Король дочитал строку, медленно свернул пергамент и отложил его на подлокотник. Лишь после этого посмотрел на меня тяжёлым, прямым, оценивающим взглядом. В детстве мне казалось, что отец умеет видеть насквозь. Позже я понял, что этот человек просто хорошо замечает чужие слабости.

— Ты вырос, — произнёс он.

Я усмехнулся.

— Вы тоже. Особенно удобно стареть на троне.

Отец не изменился в лице, но я заметил, как напряглась линия его челюсти.

— Вы звали меня, — напомнил я. — Объясните причину?

Он сцепил пальцы перед собой.

— До меня доходят слухи.

— Уверен, в столице их достаточно.

— Эти мне не нравятся.

Отец несколько секунд смотрел на меня, словно решал, насколько далеко может зайти в первом разговоре после двадцати лет молчания.

— В королевстве растёт недовольство, — произнёс он наконец. — Но оно направлено не на меня.

Я медленно вдохнул.

— Адриан.

Едва заметный кивок.

— Наследник слишком правильный. Он верит в людей и не замечает того, что происходит за пределами дворца.

Я ничего не ответил.

— В народе говорят, что трон должен достаться другому, — продолжил король. — Появились разговоры о заговоре. О покушении.

Я скрестил руки на груди.

— И вы считаете, что угроза снаружи?

Его взгляд стал жёстче.

— Я считаю, что она может быть где угодно.

— Тогда почему ищете её за пределами дворца? Здесь

каждый второй улыбается человеку, которого собирается предать, а каждый третий знает, где спрятать нож так, чтобы его не заметили.

Отец не улыбнулся.

— Именно поэтому ты здесь.

Я промолчал.

— Ты умеешь оставаться незаметным, — продолжил он. — Слышать то, что другие не должны слышать. Видеть то, чего не замечают остальные. Тебя не воспринимают как угрозу.

— Забавно.

— Что именно?

— Слышать это от вас.

На этот раз отец нахмурился.

— Не начинай.

— Я ничего не начинаю. Просто странно слышать, что моя главная ценность — умение быть тенью, от человека, который сам когда-то сделал всё, чтобы я научился ею быть.

Король резко поднялся. Тяжёлое кресло отозвалось глухим скрежетом, но я остался на месте.

— Сейчас не об этом, — отрезал он. В голосе впервые за весь разговор прозвучала настоящая злость. — Я спрашиваю тебя как король.

Отец спустился на одну ступень.

— Ты поможешь своему брату?

Я долго смотрел на него. Возможно, слишком долго для

человека, стоящего перед королём, но сейчас мне было всё равно, сколько правил я нарушу ещё до того, как покину этот зал. Во мне боролись два желания: развернуться и уйти, снова вычеркнув Эйрхольм из своей жизни, или остаться и выяснить, кто именно решил расшатать дворец изнутри. Оба выбора имели свою цену. Разница заключалась лишь в том, кому достанется право её назначить.

— Вы странно ставите вопрос, ваше величество, — произнёс я наконец. — Я вернулся не ради семьи. И точно не ради трона.

— Тогда ради чего?

Я чуть склонил голову.

— Если кто-то действительно готовит покушение на Адриана, я найду его. Но не потому, что вы приказали, и не потому, что мне вдруг захотелось спасти королевскую семью. Этот дворец слишком долго делает вид, что всё под контролем. А я хорошо знаю, что происходит с домом, когда гниль прячут под дорогими тканями и гербами.

В лице отца ничего не изменилось, но напряжённые пальцы сомкнулись на подлокотнике чуть крепче.

— И что же ты видишь?

— Советников, которые знают больше, чем говорят. И наследника, вокруг которого уже начали шептаться.

Король смотрел на меня неподвижно.

— Осторожнее, Каллум.

— Я всегда осторожен.

Он знал, что я не хвастаюсь. Я действительно умел исчезать, слышать то, что говорили за закрытыми дверями, и замечать то, на что остальные предпочитали не смотреть. Если отец решил вернуть меня именно сейчас, значит, дело было серьёзнее, чем он хотел показать.

— Значит, ты согласен? — спросил король.

Я не ответил сразу.

— Я помогу, — произнёс после паузы. — Но по-своему.

— Это не обсуждается.

Я поднял взгляд.

— Тогда вы позвали не того сына.

На несколько секунд в зале стало совершенно тихо. В глазах отца мелькнуло привычное раздражение, но вместе с ним появилось и другое выражение — то самое, которое я помнил с детства. Он уже просчитывал следующий ход.

— Скоро посвящение наследника. Ты должен остаться во дворце.

Я позволил себе короткую улыбку.

— Разумеется, останусь. Очень соскучился по семье.

Его пальцы снова сжались.

Попал.

— Твоя мать… — начал король.

— Я знаю.

Слово прозвучало раньше, чем он успел договорить. Я сделал шаг ближе к возвышению.

— Она была одной из тех, кто решил отправить меня на

север.

Взгляд отца потяжелел.

— Это политический союз. Необходимый для укрепления границ и сохранения мира, — попытался объяснить он.

— Конечно, — кивнул я.

Иногда одного слова оказывалось. достаточно. чтобы твой собеседник понял всё, что ты не собираешься произносить.

— Мир, купленный чужим ребёнком, — продолжил я. — Удобная формулировка. Особенно когда ребёнок — ваш собственный сын.

Челюсть короля напряглась. Я видел, как он собирается ответить, но уже не хотел слушать.

— Не утруждайтесь, ваше величество, — сказал я. — Я давно научился различать необходимость и выгоду.

Отец первым отвёл взгляд, и я запомнил это. Несколько секунд мы молчали, пока король наконец не заговорил снова:

— Есть ещё одно.

Я замер.

— Ты должен поговорить с Люцианом.

Имя брата повисло между нами тяжелее, чем всё сказанное до этого.

— Не горю желанием.

— Это не просьба, Каллум. Люциан должен знать, что происходит. И ты должен быть рядом.

— Забавно. Обо мне не вспоминали двадцать лет, а теперь я внезапно понадобился всей семье.

— Не переоценивай своё значение.

Я посмотрел королю прямо в глаза.

— Не беспокойтесь. Я хорошо помню, насколько оно здесь невелико.

Я развернулся.

— Я зайду к Люциану, — бросил через плечо. — Но не ждите семейных объятий.

— Люциан ни в чём не виноват.

Я остановился на пороге и нехотя повернул голову. Король смотрел на меня, ожидая очередной перепалки, но я промолчал. Открыл дверь и вышел.

Створки тронного зала сомкнулись за моей спиной, отрезая королевский голос, холод камня и всё то, от чего я уехал много лет назад. Однако облегчения не пришло. Теперь я знал главное: меня вернули не домой. Никто не собирался устраивать семейное воссоединение или вспоминать о родственных узах.

Меня вызвали как наёмника, способного разобраться в происходящем и предотвратить возможное покушение на наследника престола. И если отец действительно считал меня тенью, способной пройти сквозь стены и остаться незамеченной, он совершил одну ошибку.

Король забыл, что тени тоже умеют выбирать, на чьей они стороне.

***

В своих липких, беспокойных кошмарах я снова и сно-

ва оказывалась в незнакомых местах. Иногда стояла посреди площади, окружённой высокими каменными домами, иногда шла по узким улицам, где после дождя блестела брусчатка, а порой просто смотрела на чьё-то лицо, которое казалось мне важным, хотя я никак не могла вспомнить имени этого человека. Каждый раз сон обрывался в одном и том же месте — за мгновение до того, как я должна была понять, кто я.

Я открыла глаза.

Резные балки под потолком никуда не исчезли. Тканый узор над головой оставался неподвижным, балдахин слегка колыхался от сквозняка, пропуская бледный утренний свет, а на высоких окнах серебрился тонкий узор инея.

Я закрыла глаза, пытаясь удержать хотя бы одно имя во сне, но воспоминания рассыпались прежде, чем я успевала к ним прикоснуться. Где-то существовал мой дом, были люди, которые меня знали, место, где я родилась. Возможно, семья. Если лекарка права и со мной действительно произошёл несчастный случай, то удар по голове или нехватка воздуха могли лишить меня гораздо большего, чем нескольких часов памяти.

За дверью было тихо. Меня не держали взаперти, но и не объясняли, что теперь со мной будет. Я оставалась в чужом доме, среди незнакомых людей, и даже не могла назвать собственного имени.

Я поднялась осторожно, дожидаясь, пока перестанет кружиться голова. У стены стоял шкаф с приоткрытой дверцей.

Внутри висели платья — несколько рядов аккуратно развешанной одежды, которую я принялась рассматривать с искренним любопытством. Плотные ткани, длинные рукава, закрытые воротники, вышивка, застёжки, тонкие пояса. Всё выглядело привычно для этого места, но я не могла понять, кому принадлежали эти вещи и почему они оказались в моей комнате.

Я выбрала нежно-розовое платье с мелким выцветшим узором. Оно было длинным, с мягкими рукавами и тяжёлым подолом. Ткань оказалась плотной и тёплой, пахла травами и чистотой.

Закончив одеваться, я подошла к зеркалу. На меня смотрело бледное лицо с усталыми тенями под глазами. На нижней губе всё ещё виднелась тонкая ссадина, волосы свободно падали на плечи, немного спутанные после сна. Я коснулась отражения кончиками пальцев и задержала взгляд на собственных глазах.

Кто же я?

Я знала, как двигаться, как держать спину, как говорить и защищаться. Во мне сохранилось множество привычек и навыков, которым не требовались воспоминания. Но стоило попытаться найти самое главное — имя, дом, родителей, место рождения, — и передо мной возникала пустота.

Вопросов становилось слишком много. Я не знала, куда идти: к Селии — слишком рано или уже пора? Никто не приходил за мной, никто не позвал на завтрак, и постепенно ти-

шина в комнате начала давить сильнее, чем боль в голове.

Поэтому я просто вышла.

Коридоры дома третьего принца оказались спокойнее, чем я ожидала. Где-то вдалеке слышались шаги, негромкие голоса и звон посуды. Я шла без определённой цели, пока один из коридоров не привёл меня к высоким двустворчатым дверям.

За ними оказалась библиотека.

Я остановилась на пороге. Запах бумаги, кожи переплётов, сухого дерева и пыли встретил меня раньше, чем я успела рассмотреть помещение. Стеллажи поднимались почти до самого потолка, исчезая в полумраке верхних ярусов. Между ними стояли лестницы на колёсах, а книги выстраивались плотными рядами. На тёмных переплётах поблёскивали золотые символы, названия и гербы.

Я вошла. Здесь было настолько тихо, что собственное дыхание казалось лишним звуком. Медленно проведя пальцами по корешкам, я принялась разбирать названия. Одни ничего мне не говорили, другие вызывали странное чувство узнавания, которое исчезало прежде, чем я успевала понять его причину.

По крайней мере, я понимала язык Эйрхольма. Значит ли это, что я родилась в этом королевстве? Или когда-то жила здесь достаточно долго, чтобы выучить его речь?

Я остановилась у одной из полок, пытаясь разобраться в названиях, когда за спиной послышались шаги. Обернуться

я не успела. Столкновение оказалось неожиданным: я врезалась в чью-то грудь и отшатнулась, едва не потеряв равновесие. Толстая книга в руках незнакомца качнулась, но он удержал её одним движением.

Я подняла глаза.

Передо мной стоял принц Люциан.

На нём был тёмный изумрудный камзол. Волосы выглядели чуть менее строго, чем вчера, несколько прядей выбились у висков. На мгновение я совершенно забыла, что собиралась сказать.

— Простите, — вырвалось слишком быстро. — Я не смотрела, куда иду.

Его бровь едва заметно поднялась.

— И часто вы так передвигаетесь по дворцу? Не глядя по сторонам и вступая в споры с членами династии?

Я сразу вспомнила вчерашнюю встречу с Аурелией.

— Если ваше высочество имеет в виду недоразумение с принцессой, то она первой начала меня оскорблять.

— Недоразумение, — повторил он, и в его голосе мелькнула едва заметная насмешка. — Вчера вы вели себя иначе. Молчали и не хотели выходить из комнаты.

Я почувствовала, как теплеют щёки.

— Я была напугана.

— А теперь?

— Теперь я просто не хочу провести весь день в четырёх стенах.

Люциан задержал на мне взгляд.

— Вы всегда говорите так?

— Как?

— Прямо.

Я не сразу нашлась с ответом. Принц пытался понять, откуда во мне взялась такая манера разговаривать с людьми, от которых большинство предпочло бы держаться подальше.

— Вы говорите не так, как придворные, — заметил он.

— Возможно, я никогда раньше не была при дворе и не знаю всех правил поведения.

Это было правдой, хотя я не могла поручиться, что так было всегда. Я опустила взгляд.

— Простите, если обидела вас.

Люциан не стал спорить.

— Вы ничего не вспомнили?

Я покачала головой.

— Нет. Только отдельные ощущения. Иногда мне кажется, что я что-то знаю, но стоит попытаться вспомнить — всё исчезает.

— Имя тоже?

— Да.

Я опустила взгляд и обратила внимание на книгу в его руках.

— Вы читаете?

Вопрос вырвался сам собой. На этот раз Люциан действительно удивился.

— А вы часто задаёте вопросы принцам?

— Только если случайно в них врезаюсь.

На его лице появилось что-то похожее на улыбку. Почти незаметную, но настоящую.

— Справедливо.

Я сама не ожидала, что он согласится.

Люциан чуть приподнял книгу.

— Книги — часть воспитания принца. Они учат видеть последствия раньше, чем приходится с ними сталкиваться.

Я провела взглядом по стеллажам.

— Хотела бы я вспомнить, что любила читать.

— Почему решили, что любили?

— Не знаю. Просто кажется, что должна.

Люциан ничего не ответил. Его взгляд снова стал внимательным, с лёгким прищуром, который я уже успела запомнить. Некоторое время он будто обдумывал мои слова, а затем заговорил:

— Вам стоит прогуляться по рынку возле стен дворца.

Я удивлённо подняла глаза.

— Мне можно?

— Пока нет причин запрещать.

Он сделал короткую паузу.

— Люди, запахи, улицы, разговоры. Иногда память возвращается не через попытку вспомнить, а через то, что неожиданно кажется знакомым.

В его словах было больше смысла, чем я хотела признать.

— Вы сегодня очень добры, — неуверенно произнесла я, намекая на его вчерашнюю подозрительность и строгость.

— Моя жена вам доверяет, — добавил мужчина. — Этого достаточно, чтобы дать вам немного времени.

Последние слова прозвучали спокойно, но в них всё равно оставалось напоминание: это время мне позволили провести здесь, а не подарили.

Люциан сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Идите на рынок. Возможно, найдёте там хоть что-то знакомое.

Я уже собиралась пройти мимо, но остановилась.

— А если не найду?

— Тогда будем искать дальше.

Я не успела понять, почему эти слова прозвучали так неожиданно спокойно. Люциан развернулся и скрылся между стеллажами, оставив меня одну посреди библиотеки.

Сделав глубокий вдох, я вышла в коридор и почти сразу столкнулась с Чессой. Она замерла посреди прохода, прижимая к себе корзину с бельём, и несколько мгновений смотрела на меня, явно не ожидая увидеть за пределами комнаты.

— Я думала, вы ещё спите.

— Я уже давно проснулась, — ответила я и после короткой паузы добавила: — Ты не могла бы сопроводить меня на рынок?

Служанка удивилась.

— Прямо сейчас?

Я кивнула.

— Может быть, это поможет мне вспомнить.

Это было лишь частью правды. Мне хотелось понять, где именно я нахожусь, увидеть город, людей, улицы. Найти хоть что-нибудь, что отзовётся внутри знакомым ощущением и подскажет, кем я была до того, как очнулась в купальнях. А если повезёт, понять, есть ли у меня способ вернуться домой.

Чесса не стала спорить. Возможно, у неё просто не было причин отговаривать меня.

Мы вышли из дома третьего принца и двинулись по дороге к внешним крепостным стенам. Чем дальше оставался дворец, тем сильнее менялся воздух. В нём становилось больше движения, голосов и запахов: свежего хлеба, дыма, пряностей, влажного камня и чего-то удивительно живого.

Чесса говорила почти без остановки, рассказывая о столице. Она объясняла, какие улицы считались приличными, куда лучше не заходить без сопровождения, какие лавки славились хорошими товарами, а какие торговцы могли обвесить покупателя так ловко, что тот замечал обман уже дома.

— Здесь все знают своё место, — сказала она, когда мы свернули на более оживлённую улицу, — и стараются его не терять.

Я слушала, запоминала и смотрела по сторонам. Рыночный район Альмарены оказался гораздо больше тех нескольких комнат и коридоров, которые я успела увидеть. Тут кипела настоящая жизнь со своими правилами, привычками

и людьми, которые жили здесь задолго до моего появления. Интересно, была ли я когда-нибудь частью этой жизни?

Рынок встретил нас шумом.

Людей было столько, что стоило остановиться хотя бы на секунду, и толпа тут же начинала обходить тебя с обеих сторон, не обращая внимания на твоё существование. Узкие дороги едва вмещали повозки, торговые тележки, корзины, лошадей и путников. Скрипели колёса, звенел металл, торговцы перекрикивали друг друга, дети носились между прилавками, а покупатели спорили о цене, стараясь перекричать весь этот гул.

Повозки стояли почти вплотную друг к другу, местами полностью перекрывая проход. Люди протискивались между ними боком, прижимая к себе покупки и подбирая длинные юбки, чтобы не испачкать подолы. Над улицами тянулись цветные навесы, между домами развевались флаги, а с прилавков свисали ткани самых разных оттенков.

Я то и дело смотрела под ноги, опасаясь споткнуться о камни или чью-нибудь корзину, а потом поднимала взгляд и снова пыталась охватить всё сразу. Пахло осенью: влажной землёй, прелыми листьями, дымом от жаровен, свежим хлебом и сладкими фруктами, разложенными на грубых деревянных столах. Яблоки, груши и какие-то незнакомые плоды лежали аккуратными пирамидками, блестели от утренней влаги и казались удивительно яркими среди серого камня.

Я старалась не потерять спутницу в толпе. Край моего

платья то и дело задевали чужие рукава, плащи и корзины. Люди посматривали на меня с любопытством, задерживали взгляды чуть дольше обычного, но открытой враждебности я не замечала. Видимо, слух о девушке, появившейся в купальнях принцев, уже успел разойтись по столице.

— А вы… — Чесса наклонилась ко мне, чтобы её голос не потерялся в шуме, — вы вообще ничего не помните о себе? Например, любимый цвет?

— Лиловый, — ответила я почти автоматически.

И тут же замолчала, пытаясь понять, откуда пришла эта уверенность.

— Наверное, — добавила я тише. — Мне так кажется.

Чесса улыбнулась.

— Значит, всё-таки что-то помните.

Я кивнула, хотя внутри стало только тяжелее. Если я помнила любимый цвет, значит, где-то во мне всё ещё существовала прежняя я. Девушка, у которой были любимые вещи, привычки, люди и дом.

Я ещё раз обвела взглядом рынок Альмарены. Если я действительно жила где-то здесь раньше, почему ни один уголок этого города не казался мне знакомым?

Я уже почти подошла к палатке с тканями, когда воздух вспорол чей-то крик. Следом раздался ещё один, потом третий. Рынок изменился за одно мгновение.

Люди шарахнулись в стороны. Кто-то выронил корзину с яблоками, и несколько плодов покатились по камням. Жен-

щина схватила ребёнка за плечи и буквально втолкнула его в дверной проём ближайшей лавки. Торговцы замолчали на полуслове. Толпа расступилась, но я ещё не понимала, почему.

Потом услышала грохот копыт.

Звук стремительно приближался, отражаясь от каменных стен узкой улицы. С каждым ударом он становился громче, отдаваясь где-то под рёбрами.

Я обернулась.

Прямо сквозь рынок нёсся взмыленный чёрный конь, слишком быстрый для этой тесной улицы. Его грива рвалась на ветру, копыта с силой били по камню, а люди бросались в стороны, лишь бы не оказаться на его пути.

Всадник был одет во всё чёрное. Плащ бился за его спиной, взлетая острыми складками, и на полном ходу казалось, что за ним раскрывается что-то огромное и хищное. Мне на мгновение вспомнились чудовища из старых сказаний, способные заслонить собой небо, — и я тут же отбросила эту нелепую мысль.

Он не сбавлял хода и, казалось, вовсе не собирался этого делать. Никто из людей не кричал ему вслед, не возмущался, не пытался остановить. Они действительно боялись.

— Госпожа!

Крик Чессы донёсся откуда-то сбоку. Я успела заметить, как она отступила к стене, едва не потеряв равновесие. Мне тоже следовало поторопиться. Я шагнула назад, пытаясь

освободить дорогу, но каблук попал между камнями. Стопа соскользнула, тело потеряло опору, и я поняла, что падаю.

В следующую секунду сильная рука обхватила меня за талию и рывком подняла вверх. Я даже не успела вскрикнуть. Воздух вышибло из лёгких, мир качнулся, и вместо каменной мостовой под ногами оказался конь. Меня перебросило поперёк седла, прижав к всаднику, а пальцы сами вцепились в чёрную ткань его плаща.

Запах кожи, металла и холодного воздуха смешался с резким запахом лошади. Всё вокруг превратилось в смазанную картину из цветов, лиц и движущихся теней. Я не понимала, куда смотрю и что происходит, пока не подняла глаза.

Чёрная металлическая маска закрывала половину лица всадника, оставляя открытыми только тёмно-карие глаза.

Он посмотрел на меня всего один раз — быстро, оценивающе, словно я оказалась неожиданным препятствием, которое требовалось немедленно убрать с дороги. Я открыла рот, но не успела произнести ни слова. Всадник перехватил поводья одной рукой, другой отстранил меня от себя, и в следующий миг я уже летела вниз.

Падение оказалось коротким, но болезненным. Воздух вышибло из груди, перед глазами вспыхнуло белое, а ладони обожгло от камней и сухой земли. Я перевернулась на бок, пытаясь вдохнуть, но вместо воздуха в горло забилась пыль. Закашлявшись, я судорожно втянула воздух и только тогда почувствовала боль. Она расползалась от ушибленного бока

к пояснице и бедру, усиливаясь при каждом движении.

Несколько секунд я просто лежала, пытаясь прийти в себя. Потом упёрлась ладонями в землю и с трудом поднялась. Колени дрожали, платье цеплялось за ноги, ладони саднило, но я почти не обращала внимания на боль.

Бледная Чесса стояла неподалёку, не двигаясь.

Я медленно повернула голову.

Всадник всё ещё был здесь.

Он сидел в седле спокойно, будто ничего особенного не произошло. Конь нетерпеливо переступал копытами, выпуская в холодный воздух белые облачка пара. Вокруг нас замерла толпа.

Наши взгляды встретились.

Всадник даже словом не удостоил меня. Он лишь натянул поводья, и конь резко рванулся вперёд. Я отступила, едва не потеряв равновесие, а копыта снова ударили по камню. В воздух взлетели пыль и сухие листья. Чёрный плащ распахнулся за спиной всадника, на мгновение скрыв его фигуру, и вскоре он исчез в конце улицы так же быстро, как появился.

Никто не попытался его остановить. Судя по лицам окружающих, местные знали его достаточно хорошо, чтобы не вмешиваться.

Чесса подбежала почти сразу. Лицо у неё стало белым, а пальцы вцепились мне в локти с такой силой, словно теперь главным её страхом было не моё падение, а то, что я решу догнать всадника. Она несколько раз быстро осмотрела меня

с ног до головы, проверяя, не осталось ли на мне чего-нибудь серьёзнее пыли и ушибов.

— Госпожа, вы в порядке? — прошептала девушка. — Он вас не ранил?

— Он меня чуть не убил, потом чуть не похитил, а затем сбросил на землю, — процедила я, отряхивая ладони. — Не знаю даже, как это назвать.

— Прошу вас, не обсуждайте произошедшее с принцем, если встретите его при дворе.

Я замерла.

— С принцем?

Служанка нервно сглотнула.

— Это был четвёртый принц, госпожа.

Я закрыла глаза на несколько секунд, пытаясь принять эту информацию. Потом снова открыла.

— Я уже запуталась в наследниках.

Чесса понизила голос ещё сильнее:

— Четвёртого принца вы всегда можете узнать по железной маске. Он никогда её не снимает. Много лет жил в другом королевстве. Его увезли ещё ребёнком, и говорили, что он больше не вернётся.

— Видимо, всё же вернулся.

Перед глазами снова возникли чёрная маска и тёмный взгляд, в котором мелькнула лишь спокойная оценка. Он поднял меня с дороги так легко, как будто вообще не считал происходящее чем-то заслуживающим внимания, а по-

том избавился от меня без единого слова.

— Вы должны быть благодарны, — поспешно добавила Чесса. — Очень благодарны. Если бы не он…

Она не договорила.

— Если бы не он, я бы просто не оказалась под копытами его лошади, — закончила я за неё.

Чесса побледнела ещё сильнее.

— Вы не понимаете. Обычно он никого не щадит.

Она замолчала, явно решая, стоит ли объяснять мне очевидное или лучше позволить самой сделать выводы. Я посмотрела в ту сторону, куда скрылся принц, но улица уже снова наполнилась движением. Люди возвращались к прилавкам, торговцы поднимали с земли упавшие товары, кто-то подбирал рассыпавшиеся яблоки. Шумный рынок постепенно забывал о случившемся.

Чесса крепче прижала к груди корзину, а когда мимо пронеслась очередная повозка, заметно вздрогнула и проводила её испуганным взглядом, пока та не скрылась за поворотом. Я молчала. Слова сейчас казались бесполезными.

Боль от падения постепенно отступала, превращаясь из острой в тупую и тянущую. Ушибленные бёдра отзывались при каждом шаге, поясницу неприятно ломило, но сильнее всего болело унижение.

Я снова и снова прокручивала в памяти произошедшее: чёрный конь, внезапный рывок, холодный металл маски, его рука на моей талии. То, как легко он поднял меня с дороги. И

то, как ещё легче потом сбросил обратно, даже не посчитав нужным остановиться.

Я стиснула зубы и заставила себя расслабиться. Ещё немного — и я снова начну злиться, а злость сейчас была единственным чувством, которое совершенно не удавалось контролировать.

Когда впереди показались стены дома третьего принца, я вздохнула с облегчением.

Дом окончательно проснулся. По коридорам торопливо перемещались слуги, из одного крыла в другое проносили ткани и посуду, а из глубины здания доносились приглушённые голоса и звон металла. Мы не успели пройти и нескольких шагов, когда навстречу стремительно вышла старшая служанка.

Высокая, сухопарая женщина с идеально собранными волосами и таким строгим выражением лица, что рядом с ней хотелось немедленно признаться во всех проступках, даже в тех, которых не совершал.

— Чесса!

Девушка рядом со мной вздрогнула.

— Где ты была? Приёмный зал до сих пор не подготовлен. Повара уже ждут подачи, а тебя невозможно найти!

— Простите… я…

— Потом будешь объясняться. На кухню. Немедленно.

Женщина даже не дала ей договорить. Чесса моментально опустила голову и подчинилась, не пытаясь оправдаться

или объяснить своё отсутствие. Только бросила на меня короткий тревожный взгляд и исчезла вслед за другими служанками.

Я проводила её глазами и поняла, что меньше всего сейчас хочу возвращаться в комнату. Не хотелось снова ложиться под балдахин, смотреть в потолок и пытаться вспомнить то, чего я не помнила.

— Я могу помочь, — вырвалось у меня раньше, чем я успела передумать.

Старшая служанка остановилась и внимательно посмотрела на меня. Её взгляд прошёлся по платью, волосам, лицу и задержался на испачканном подоле. Она явно решала, кем я окажусь на кухне — дополнительными руками или ещё одной проблемой, которую придётся кому-то решать.

После короткой паузы женщина кивнула.

— Если не будешь мешать.

— Не буду.

Ответ прозвучал слишком быстро, но мне было всё равно. Впервые за весь день я почувствовала облегчение от простой мысли, что смогу занять руки и хотя бы ненадолго перестать думать.

Кухня встретила нас жаром. После прохладных коридоров тепло ударило в лицо, пахнуло свежим хлебом, дымом, травами и пряностями. Над очагами поднимался пар, в больших котлах что-то кипело, на каменных столах лежали горы овощей, фруктов и кореньев. Десятки людей двигались с та-

кой скоростью и точностью, что вся эта суматоха каким-то образом сохраняла порядок.

Чесса почти сразу исчезла среди работающих слуг. Рынок, падение и четвёртый принц остались где-то за стенами кухни, в другой жизни. Мне сунули нож, миску и целую гору кореньев. Я принялась чистить их, сначала неловко, потом всё увереннее. Постепенно повторяющийся ритм успокоил меня. Стук ножей о деревянные доски, треск огня, голоса, запах выпечки — всё это было простым, понятным и настоящим.

Когда блюда начали выносить в приёмный зал, я сама вызвалась помочь одной из служанок. Хотелось двигаться дальше, не останавливаться и не давать мыслям снова возвращаться к дороге, маске и тёмному взгляду.

Я осторожно подняла тяжёлый поднос и последовала за девушкой, которая несла остальные блюда. По длинному коридору мы шли молча, и с каждым шагом звуки кухни становились тише. Жар уступал место прохладе каменных стен, запах дыма растворялся в ароматах воска и дорогих благовоний. Дом менялся на глазах, переходя из мира слуг и работы в пространство, где каждое движение имело значение.

Переступив порог приёмного зала, я сразу опустила взгляд. Чесса успела объяснить, что здесь так принято, и я предпочла не проверять границы дозволенного ещё раз. Но даже с опущенными глазами невозможно было не заметить длинный стол, серебряные приборы, высокие подсвечники и

десятки свечей, отражающихся в отполированных бокалах.

Я поставила поднос на край стола и уже собиралась отойти, когда услышала знакомый голос:

— Он вот-вот должен приехать.

Во главе стола сидел спокойный и собранный Люциан, в своем безупречном камзоле. Рядом находилась Селия. На её лице играла мягкая улыбка, но чем дольше я наблюдала за ней, тем сильнее мне казалось, что за этой улыбкой она скрывает гораздо больше, чем показывает.

— Брат никогда не появляется вовремя, — продолжил третий принц.

Он произнёс это спокойно, однако в голосе отчётливо слышалось раздражение.

Я замерла.

Брат?

Внутри неприятно кольнуло. В памяти сразу вспыхнули чёрный плащ, рвавшийся на ветру, металлическая маска и тёмные глаза, смотревшие на меня без малейшего сомнения.

Я машинально сделала шаг назад, потом ещё один. Хотелось стать незаметной, раствориться среди слуг и спрятаться за ближайшей колонной. Зря я решила ввязаться в эту помощь с трапезой.

Именно тогда я заметила человека, развалившегося в глубоком кресле так, словно весь этот обед был для него досадной обязанностью, которую приходилось терпеть ради приличий.

Четвёртый принц уже находился здесь.

Он вытянул длинные ноги и скрестил руки на груди. Даже отсюда я чувствовала исходящую от него холодную уверенность. На нём по-прежнему была тёмная одежда, больше подходящая для дороги или боя, чем для дворцового ужина. Никаких украшений, ничего лишнего. Только чёрная ткань, кожаные ремни, металл и та самая маска, закрывающая половину лица.

Тёмно-карие глаза были направлены не на Люциана, не на Селию и даже не на стол. Они смотрели прямо на меня.

Пальцы сильнее сжали поднос. На мгновение мне показалось, что он меня узнал. Его взгляд медленно прошёлся по моему лицу, задержался чуть дольше, чем требовала обычная вежливость, затем опустился на платье и поднос в моих руках. После этого принц снова отвернулся к столу. Ни единого намёка на то, что меньше часа назад он держал меня одной рукой над землёй, а затем сбросил на дорогу.

Я заставила себя двинуться вперёд, сохраняя самое спокойное выражение лица, на какое была способна. В конце концов, если уж он решил сделать вид, что ничего не произошло, я тоже могла сыграть в эту игру.

Поднос оказался тяжелее, чем я помнила. Или руки всё ещё дрожали. Я осторожно поставила блюдо на стол, стараясь не выдать напряжение в пальцах.

Селия подняла голову и улыбнулась мне.

— Спасибо.

После ледяного взгляда четвёртого принца эти слова прозвучали почти как спасение. Я легко улыбнулась в ответ и уже собиралась отступить, когда почувствовала на себе другой взгляд.

Настороженность Люциана была совсем иной, чем холодное равнодушие брата. Рядом с четвертым принцем я боялась оказаться на пути у очередной несущейся лошади. Рядом с третьим возникало другое беспокойство: казалось, если дать ему достаточно времени, он соберёт меня по кусочкам и поймёт всё то, что я сама пока не могла объяснить.

Я сделала шаг назад, поспешно отвернулась и направилась к выходу, мечтая оказаться как можно дальше от этого стола и особенно от человека в чёрной маске.

Глава 3

Коридор встретил меня прохладой и тишиной.

Только здесь я позволила себе остановиться. Прислонилась плечом к каменной стене и глубоко вдохнула, обнаружив, что всё это время дышала через раз. Затем заставила себя выпрямиться и пойти дальше.

Чесса выскочила из-за угла так стремительно, что едва не сбила с ног одну из младших служанок. На ходу она развязывала фартук, испачканный густой тёмной смесью, пахнущей луком и дымом. Девушка выглядела уставшей и раздражённой, что-то пробормотала себе под нос и почти бегом направилась к ближайшей комнате. Я проводила её взглядом. После всего, что произошло сегодня, меня уже мало что удивляло. На кухне постоянно что-нибудь проливали, роняли и пачкали. Наверное, это и называлось обычной дворцовой жизнью.

Я уже собиралась идти дальше, когда с противоположного конца коридора появилось движение. Слишком уверенное для слуги и чересчур расслабленное для стражника.

Я узнала пятого принца почти сразу.

Тот самый юнец с повязкой.

Он выглядел моложе меня, почти мальчишкой: узкие плечи, живое лицо и открытый взгляд.

Парень подошёл к двери, за которой только что скрылась

Чесса, наклонился и заглянул в щель между дверью и косяком.

Я замерла.

Несколько секунд смотрела на него, пытаясь убедить себя, что неправильно поняла происходящее. Но принц действительно подглядывал. Чесса переодевалась, а он спокойно стоял у двери и наблюдал за ней с довольной улыбкой.

После встречи с его братом моё терпение и без того держалось на честном слове.

Что вообще не так с мужчинами в этой семье?

Я даже не успела подумать о дворце, статусах и последствиях. Просто направилась к нему.

— Прошу прощения!

Мой голос резко разрезал тишину коридора.

Парень дёрнулся и так быстро обернулся, что едва не врезался плечом в косяк. На его лице на мгновение появилось совершенно мальчишеское выражение человека, которого поймали на месте проступка. Но уже через секунду оно исчезло. Он выпрямился и с невозмутимым видом посмотрел на меня.

Я остановилась почти вплотную.

— Зачем вы это делаете?

Принц притворился, что не понимает, о чём идёт речь.

— Что именно?

— Подглядываете за служанкой.

— Я просто стоял у двери.

Я уставилась на него.

— Какая разница?

Он на секунду задумался, а потом совершенно серьёзно ответил:

— Огромная. Между стоять и подглядывать обычно существует несколько важных шагов.

Мне захотелось чем-нибудь в него бросить.

— Я видела, что вы делали.

— Тогда, возможно, у вас не всё в порядке со зрением.

— То, что вы принц, не делает это нормальным.

Он слегка прищурился.

— А кто сказал, что я принц?

Я глубоко вдохнула.

— Это не даёт вам права вести себя как невоспитанный мальчишка, ваше высочество.

Его лицо изменилось, насмешливость постепенно исчезла. Он будто только сейчас действительно рассмотрел меня, сопоставляя что-то в памяти.

— Подождите… Вы — та самая девушка!

Принц ткнул в меня пальцем с уверенностью человека, раскрывшего государственный заговор.

— Та самая, которая следила за принцами.

— Нет, — я сделала шаг ближе. — Я потеряла сознание и очнулась в воде.

— Конечно, — с самым серьёзным видом кивнул он. — Люди постоянно совершенно случайно оказываются в коро-

левских купальнях.

— Неумение признать свою вину — плохое качество для принца.

— А у вас есть хорошие?

Я на секунду потеряла дар речи. Парень выглядел до неприличия довольным собой.

— Да. Например, не подглядывать за служанками.

— Но при этом вы подслушиваете разговоры принцев, да ещё и во время купания.

Я открыла рот и тут же закрыла. Невозможный мальчишка. Судя по его выражению лица, он прекрасно понимал, что только что выиграл этот раунд.

Дверь за его спиной распахнулась. Наружу вышла уже переодевшаяся Чесса, но, увидев нас, сразу замерла на пороге. Её взгляд метнулся от меня к принцу и обратно.

— Ваше высо…

— Не надо, — лениво перебил он.

Девушка тут же замолчала. Я заметила, как напряглись её плечи.

— Зачем мне подглядывать за служанкой? — спросил принц, бросив на Чессу короткий взгляд. — Если бы захотел увидеть её обнажённой, просто приказал бы привести.

Улыбка исчезла с моего лица.

— Что?

Принц пожал плечами.

— Она не в моём вкусе, поэтому и не приказал.

— Это отвратительно.

Он удивлённо моргнул. Впервые за весь разговор мне удалось его озадачить.

— Она ведь человек, — отчеканила я, заслоняя собой Чессу. — Не вещь и не собака, которую можно подозвать свистом.

— Никто и не свистел.

— Не цепляйтесь к словам!

Я шагнула ближе. Он не отступил. Теперь нас разделяло меньше шага.

— Вы и вправду считаете, что титул делает вас лучше остальных, ваше высочество?

Чесса побледнела, её пальцы судорожно сжали край платья, но я уже не могла остановиться. Всё, что копилось во мне с момента пробуждения в этом королевстве, наконец нашло выход.

— Принцы не становятся выше оттого, что топчут тех, кто не может им ответить.

Юнец продолжал смотреть на меня с противной насмешкой. Очень хотелось ему врезать.

— Так что, пожалуйста, — добавила я, чувствуя, как внутри всё дрожит, хотя голос оставался ровным, — уберите своё высокородное любопытство подальше и научитесь закрывать глаза, когда проходите мимо чужих дверей.

Коридор затих. Я только что перешла ещё одну черту — гораздо более опасную, чем все предыдущие.

Чесса стояла рядом, ошарашенная, и пыталась что-то сказать, но я уже не слышала её. Впервые за последние дни я позволила себе не сдерживаться и теперь ощущала странное, почти опьяняющее облегчение.

В дальнем конце коридора появились Селия и Люциан, привлечённые нашими голосами.

Селия остановилась первой. На её лице отразилось замешательство, а взгляд скользнул от меня к пятому принцу и задержался на двери, за которой переодевалась Чесса. Люциан замер в нескольких шагах позади жены. Он внимательно оценивал происходящее, и, кажется, понимал, что ситуация выходит из-под контроля.

— Принцам никогда не приходится отвечать за свои поступки, — продолжила я, не в силах остановиться. — Титул позволяет закрыть глаза на многое.

Улыбка исчезла с лица пятого принца. Он сделал шаг ко мне.

— Осторожнее, девушка. Если бы ваши слова услышал король, он приказал бы укоротить ваш наглый язык.

— Значит, пожалуетесь на меня?

Его челюсть напряглась.

— Что вы сказали?

— Я всего лишь сказала правду.

— Вы здесь всего несколько дней и уже решили, что вправе судить королевскую династию?

— Я знаю достаточно, чтобы понимать: подглядывать за

человеком, который переодевается, недопустимо.

— Вы забываетесь! — возмущённо произнёс принц. — Это неслыханно.

Селия едва заметно качнула головой, предупреждая меня остановиться. Люциан пока не вмешивался, надеясь, что младший брат ещё сможет отступить и не доводить дело до открытого столкновения.

Но тот приблизился ещё на шаг.

— Сейчас вы пойдёте со мной и будете объясняться перед королём.

— Я никуда не пойду.

Принц оказался совсем близко, лишая меня свободного пространства, и я окончательно потеряла терпение. Моя ладонь упёрлась ему в грудь и резко оттолкнула его.

Ничего драматичного не произошло. Он лишь сделал полшага назад, скорее от неожиданности, чем от силы толчка. Но этого оказалось достаточно, чтобы всё вокруг изменилось.

Селия побледнела. Чесса застыла, прижав ладонь ко рту. Люциан мгновенно шагнул вперёд, но остановился, когда младший брат перевёл взгляд с моей руки на лицо.

— Вы посмели…

Он не договорил.

Я сама не знала, что собиралась сказать в ответ. Внутри смешались злость, страх, усталость и отчаянное желание не отступить перед человеком, который считал свой титул раз-

решением переступать через других.

— Я не собираюсь бояться вас только потому, что на вас корона, — произнесла я тише.

Это было ошибкой. Я поняла по тому, как изменилось лицо Люциана. Он наконец двинулся вперёд, но пятый принц успел первым.

Тот резко шагнул ко мне и схватил за запястье.

— Быстро же вы забыли, где находитесь.

Пальцы сжались сильнее.

Я попыталась высвободить руку.

— Отпустите.

— Сначала научитесь разговаривать с почтением.

— Отпустите меня!

Я дёрнула рукой на себя. Принц инстинктивно удержал сильнее, и между нами началась короткая борьба. Я попыталась оттолкнуть его плечом, он потерял равновесие на полшага и наконец выпустил мою руку.

Я шагнула вперёд, но чья-то ладонь мгновенно сомкнулась на моём запястье. Меня резко потянуло назад.

— Довольно.

Низкий голос прозвучал совсем рядом.

Я застыла.

Тёмный плащ всё ещё хранил запах улицы — холодного ветра, кожи и металла. Высокая фигура оказалась за моей спиной, почти полностью закрывая собой пространство между мной и пятым принцем.

Четвёртый принц перевёл взгляд с моего лица на руку, которую удерживал, а затем посмотрел на брата. В коридоре стало так тихо, что я услышала собственный пульс.

— Я сказал: довольно.

Мужчина в маске не стал спорить с братом или объяснять свои действия. Он перехватил меня за локоть и повёл за собой.

Я едва успевала переставлять ноги. Длинное платье цеплялось за каменный пол, дыхание всё ещё не восстановилось после сцены в коридоре, а он двигался так спокойно, словно ничего необычного не происходило. Мы прошли несколько поворотов, пока принц не остановился перед массивными дверями трапезной.

Внутри никого не было. Слуги исчезли так быстро, что я даже не успела заметить, когда именно. В воздухе ещё держались запахи горячей еды, вина и холодного камня.

Я остановилась у порога.

— Я никуда не собираюсь идти с вами.

Принц обернулся и несколько секунд смотрел на меня.

— Тогда можете остаться в коридоре и объяснить королю, почему решили ударить его сына.

Я стиснула зубы и вошла.

Дверь за моей спиной закрылась. Щелчок замка прозвучал в пустом зале слишком отчётливо.

Четвёртый принц отпустил мой локоть, и я тут же отступила на шаг. Его взгляд коротко опустился к моей руке, за-

тем вернулся к лицу.

— Боитесь меня? — неожиданно спросил он.

— Нет.

Ответ вылетел слишком быстро.

— Ложь.

Мужчина отошёл в сторону, освобождая пространство между нами. Я только теперь поняла, насколько близко он стоял.

— Вы устроили ссору в коридоре, — произнёс принц. — Оскорбили принца, толкнули его, а затем попытались продолжить.

— Он заслужил.

— Возможно.

Я замерла.

— Что?

Мужчина проигнорировал мой вопрос и медленно снял перчатку. Чёрная кожа тихо скользнула по пальцам. Почему-то я следила за его руками внимательнее, чем хотелось бы.

— Я видела собственными глазами, как он подглядывал за Чессой, — возмутилась я.

— Люди часто видят только то, что хотят видеть.

— Удобно.

Его взгляд стал холоднее.

— Что?

— Оправдывать всё, что делают принцы.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Я чувствовала, как глаза жжёт от злости и унижения. Четвёртый принц отвечал мне холодным, почти презрительным взглядом, и на мгновение стало не по себе.

— Кто вы такая? — спросил он наконец.

— Боюсь, что не смогу назвать своё имя. Я его не помню.

Мужчина в маске едва заметно приподнял бровь.

— Имя мне не важно, — произнёс он с сухим равнодушием. — Меня интересует другое.

Сделал шаг ближе.

— Из какого вы сословия, раз позволяете такие вольности с принцами?

Из моей груди вырвался сдавленный, но отчётливый смешок.

— Ах, вот оно что… Конечно.

Я подняла на него глаза, уже не пытаясь скрыть презрение.

— Неважно, что произошло. Неважно, что кто-то подглядывал, оскорблял и нарушал чужие границы. Важны только богатство и титул, верно?

Я выпрямилась, несмотря на боль в бёдрах и ноющее плечо.

— Тот, кто наверху, всегда прав. А тот, кто ниже, должен молчать и благодарить, что его вообще не раздавили.

В его взгляде что-то изменилось. Всего на мгновение, но я успела заметить короткую искру, прежде чем она исчезла.

— Должно быть, вы смелая девушка, — произнёс принц

тихо. — Однако сейчас противостоите тем, кто решает, кому позволено существовать в этом королевстве, а кому нет.

Я улыбнулась криво, хотя внутри всё ещё дрожало от злости.

— Я не умею молчать, когда вижу несправедливость.

Мужчина некоторое время изучал моё лицо. Затем его взгляд опустился к губам и задержался на небольшой ссадине у края нижней.

— Откуда это?

— Что?

Он едва заметно кивнул на мою губу.

— Порез.

Я машинально коснулась её пальцами.

— Не знаю. Вернее, не помню.

Принц чуть приблизился. От него пахло улицей, кожей и чем-то металлическим, знакомым после утренней встречи на рынке.

— Это правда, что вас нашли в королевских купальнях?

Ответить я не успела.

Дверь неожиданно распахнулась, ударившись о стену и разорвав натянутую тишину между нами.

В проёме появились Селия и Люциан.

Светловолосая девушка была бледной, пальцы нервно сжимали складку платья. Её супруг держался привычно спокойно, но взгляд стал жёстче. Он быстро оценил расстояние между нами, задержался на моём запястье и посмотрел на

брата.

— Оставьте нас, ваше высочество, — сказала Селия четвёртому принцу. Тихо, но так, что спорить с ней никто не стал.

Люциан кивнул.

— Пойдём со мной, брат. Нам нужно обсудить церемонию.

Мужчина в маске ничего не ответил. Только ещё раз посмотрел на меня. На долю секунды наши взгляды встретились, но я отвернулась первой.

Принцы вышли, и дверь глухо закрылась за ними.

— Я могу объяснить, — быстро сказала я, прежде чем Селия успела заговорить. — Он…

— Я знаю.

Я замолчала.

Селия стояла напротив меня. В её лице читались усталость и беспокойство, но голос оставался строгим.

— Ты не должна была поднимать на него руку.

— Он подглядывал за Чессой.

Девушка на мгновение опустила глаза.

— Я понимаю, что произошло. И поверь, мне неприятно слышать о подобном поведении. Но ты должна понимать, где находишься. Ты толкнула принца, а потом вступила в борьбу с ним на глазах у придворных.

— Я его только оттолкнула.

— Для окружающих разницы нет.

В её голосе прозвучало предупреждение. Я сжала челюсть.

— Тогда я объясню всё королю.

Селия посмотрела на меня с сожалением.

— Ты не попадёшь к нему.

— Почему?

— Потому что ты не та, ради кого король станет прерывать свои государственные дела.

От этих слов стало холодно.

— И что же мне теперь делать? — растерянно спросила я.

Селия подошла ближе и заговорила тише:

— Будем надеяться, Люциан поможет со всем разобраться. Это всё, что я могу сделать сейчас.

Я невесело усмехнулась.

— Судя по всему, я уже успела испортить себе репутацию.

— Она поправима. Но, прошу тебя, больше не толкай никого и не спорь с Каллумом.

Имя прозвучало неожиданно, и я не сразу поняла, что речь идёт о четвёртом принце.

Каллум?

До этого момента у него в моей голове не было имени. Он существовал там отдельными образами: чёрный конь, тёмный плащ, металлическая маска, холодный взгляд и рука, одним движением выдернувшая меня из-под копыт.

Четвёртый принц. Высокомерный мерзавец с рынка.

— Его зовут Каллум, — подтвердила Селия. — И он со-

всем не похож на остальных принцев. Он вырос не здесь.

Я подняла глаза.

— Не в Эйрхольме?

Девушка покачала головой.

— Его воспитывали в Нордвейне. Это королевство на севере континента. Там совсем другие порядки. Детей с ранних лет учат воевать.

Я снова вспомнила неподвижный взгляд Каллума и его спокойствие, от которого становилось не по себе. Он действительно больше походил на воина, чем на титулованного принца.

Селия помолчала, затем снова посмотрела на меня.

— Я попросила Люциана оставить тебя при дворе. Сделать моей фрейлиной.

— Что?

Она слегка улыбнулась.

— Потому что ты показалась мне хорошей девушкой.

Я не ожидала услышать этого. После вопросов, подозрений и взглядов людей, которые не знали, кем меня считать, эти простые слова неожиданно задели сильнее всего.

— Ты упрямая, — продолжила Селия. — Слишком прямолинейная. И иногда говоришь то, о чём разумный человек предпочёл бы промолчать.

В её глазах мелькнуло тепло.

— Но ты не злая.

Я опустила взгляд.

Мне хотелось поблагодарить её, сказать, что она ошибается, потому что на самом деле ничего обо мне не знает. Или признаться, что я сама не представляю, какой была раньше и почему всё это происходит со мной. Но слова не находились.

— Я не ошиблась в тебе. Постарайся сделать так, чтобы мне не пришлось пожалеть об этом.

Я медленно кивнула.

— Хорошо. Я постараюсь.

Девушка задержала на мне взгляд ещё на секунду, затем развернулась и вышла.

Дверь закрылась, и я осталась одна — со своими мыслями, ноющим запястьем и синяком, который любезно оставили цепкие пальцы четвёртого принца.

Глава 4

Каллум

Я шёл за Люцианом по коридору, выдерживая привычную дистанцию: достаточно близко, чтобы он знал, что я следую за ним, и достаточно далеко, чтобы не создавать впечатления, будто тороплюсь. Сапоги глухо ударяли о каменный пол, звук расходился под высокими сводами и возвращался приглушённым эхом. Я смотрел на спину брата и чувствовал, как раздражение постепенно собирается внутри, становясь всё тяжелее.

Что вообще здесь происходит?

Эта девушка появилась во дворце несколько дней назад, не помня ни имени, ни прошлого, ни того, каким образом оказалась в королевских купальнях. И уже успела сделать то, на что большинство людей при дворе не решились бы за всю жизнь: смотреть принцам прямо в глаза, спорить с ними, повышать голос и вести себя так, словно титулы перед ней ничего не значат. В этом и заключалась самая неприятная часть. Она действительно не понимала, почему должна бояться. Или понимала, но ей было всё равно.

Я вернулся мыслями к рынку. К своему коню, несущемуся по узкой улице, к людям, которые в панике разбегались с дороги, и к её лицу в тот момент, когда она поняла, что не успевает отойти. Девушка потеряла равновесие прямо пере-

до мной, и мне пришлось выдернуть её из-под копыт. Тогда я решил, что передо мной просто неосторожная селянка, которой не хватило здравого смысла вовремя уступить дорогу.

Я до сих пор помнил её выражение лица, когда она стояла посреди пыльной улицы, испачканная, испуганная и настолько злая, что страх почти не замечался за этим возмущением. Большинство людей после такого столкновения постарались бы больше не попадаться мне на глаза. Она же изучала меня своими внимательными глазами и, судя по всему, мысленно требовала объяснений.

Теперь та же девушка едва не подралась с моим братом — принцем, которого весь двор привык считать неприкосновенным.

В первый раз её дерзость показалась мне забавной. Теперь — уже нет. Глупость имеет предел. Страх тоже. А эта девчонка продолжала идти вперёд, даже когда получила достаточно причин остановиться.

Люциан остановился у высокой двери, украшенной тонкой резьбой. Между переплетениями виноградных лоз прятались старые символы нашего рода — знаки, смысл которых теперь помнили лишь немногие. Он открыл дверь резче, чем требовал этикет, и я вошёл следом.

Кабинет брата всегда казался мне слишком тёплым. Здесь не было холодной торжественности тронных залов и выверенной роскоши королевских покоев. Старое дерево, книги, бумаги, карты на стенах. В воздухе смешивались запах пер-

гамента, дыма и пряностей, которые Люциан упрямо сжигал в камине, хотя половина дворца считала эту привычку странной.

Я задержал взгляд на картах.

Эйрхольм. Южные земли. Восточные княжества. Нордвейн.

На последней взгляд остановился чуть дольше. Серые горы, заснеженные перевалы, холодные города, где люди учатся воевать раньше, чем говорить.

Я перевёл взгляд на Люциана. Он стоял у стола, опираясь ладонями на столешницу. Со стороны могло показаться, что брат совершенно спокоен, но я заметил напряжение в его плечах и короткое движение руки по волосам. Он сделал глубокий вдох, прежде чем заговорить.

— Ты перегнул.

Я усмехнулся.

— Я?

— Да, Каллум.

— Забавно слышать это от тебя.

Люциан выпрямился и посмотрел на меня.

— Она не понимает, где находится.

— Это её проблема.

— И пока не знает правил этого дворца.

— Тем хуже для неё.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю.

— Нет, — холодно ответил я. — Я понимаю только то, что

твоя подопечная подняла руку на нашего брата посреди коридора, при свидетелях, а ты почему-то решил, что обсуждать нужно моё поведение.

Люциан медленно выдохнул.

— Потому что ты прекрасно знаешь, что именно я тебе предъявляю.

Я скрестил руки на груди и молча посмотрел на брата.

— Почему ты её защищаешь?

— Потому что она не враг.

Я коротко усмехнулся.

— Ты этого не можешь знать.

Оттолкнувшись от стены, я прошёлся по кабинету. Под ногами негромко скрипнули доски. Девушка появилась из ниоткуда. Ни семьи, ни имени, ни прошлого, никаких людей, которые могли бы поручиться за неё. Она утверждала, что ничего не помнит, но при этом говорила слишком уверенно и свободно, а порой использовала выражения, которых я никогда не слышал от людей её положения.

Я остановился возле карты.

— Она что-то скрывает.

Люциан промолчал. Я повернул голову, ожидая ответа, но брат лишь отвёл взгляд. Этого оказалось достаточно.

— Ты тоже это заметил, верно? Тогда почему продолжаешь держать её рядом? Почему она живёт в твоём доме?

Люциан подошёл к окну.

— Сейчас не это главное. Впереди церемония посвяще-

ния наследника. Половина знати уже готова перегрызть друг другу глотки за право оказаться ближе к королевской семье. Последнее, что мне сейчас нужно, — разбираться с каждой девушкой, которую Селия решила привести во дворец.

Я задумался. Эта девушка каким-то образом успела за несколько дней добиться расположения обоих, не имея прошлого, которым могла бы подтвердить собственные слова.

— Селия доверяет ей, — добавил брат.

— Доверие — самый короткий путь к ножу в спине.

Люциан посмотрел на меня, но спорить не стал. Он вернулся к столу и принялся перебирать лежавшие перед ним пергаменты. Бумаги шуршали под его длинными пальцами, и этот размеренный звук немного отвлекал меня от собственных мыслей.

— Ты уже видел Адриана? — спросил брат, не поднимая глаз.

— Нет.

Я помолчал, прежде чем добавить:

— И не стремлюсь. Слишком многое изменилось за те годы, пока меня здесь не было.

Люциан ничего не возразил. Между нами существовало достаточно прошлого, чтобы не тратить слова на объяснения.

— А Итан? — спросил он.

Я криво усмехнулся.

— Итан беспокоит отца. И, на мой взгляд, небезоснова-

тельно.

— Ты думаешь, он способен пойти против короля?

— Я думаю, он всегда считал себя тем, кто должен получить корону.

Люциан поднял взгляд.

— Отец это чувствует, поэтому и тревожится.

Я подошёл к окну и остановился рядом с тяжёлыми шторами. Внизу зажигались огни, по двору проходили слуги, стражники сменяли посты. Всё выглядело спокойно, почти безупречно, но я знал этот дворец достаточно хорошо, чтобы не доверять подобному спокойствию.

Церемония соберёт в одном месте слишком много людей, и далеко не у всех будут добрые намерения. Знать, послы, военные, представители старых домов — каждый придёт поздравить наследника. Будут смотреть, оценивать, наблюдать. И достаточно одного человека, которому давно нечего терять.

— Я боюсь, что на Адриана нападут во время церемонии, — произнёс Люциан.

Я повернулся к нему. Брат озвучил мои мысли.

— Толпа даст нападающему всё необходимое. Шум, движение, десятки незнакомых лиц, охрана, которой придётся следить сразу за всеми. Если кто-то ждал подходящего момента, лучшего ему не найти.

Я несколько секунд смотрел на принца.

— Этого не случится.

— Каллум…

— Пока я здесь, — спокойно перебил я, — к Адриану никто не подойдёт.

Люциан замолчал. Я заметил, как немного расслабились его плечи. Совсем чуть-чуть, почти незаметно, но мне этого было достаточно. Некоторые обещания между братьями не нуждались в клятвах.

Мы ещё долго обсуждали церемонию: стражников, которых следовало незаметно переставить ближе к внутреннему кругу, людей, чьи имена слишком часто звучали в последнее время, и слухи, расползавшиеся по дворцу быстрее любых официальных приказов. В Эйрхольме не бывает мелочей. Неправильно выбранное место за столом могло стать оскорблением, слишком долгий взгляд — предупреждением, неожиданное отсутствие — признанием в неверности.

Когда разговор наконец иссяк, я поднялся.

— Останься у нас, — предложил Люциан. — Комната свободна.

Я согласился. Возвращаться под одну крышу с отцом мне не хотелось. За годы отсутствия я научился прекрасно обходиться без его общества и не собирался проверять, насколько хорошо это правило работает теперь.

У двери я остановился.

— Перед сном хочу зайти в купальни.

Люциан кивнул. Мы разошлись без лишних слов.

Я пошёл по западному крылу один. Постепенно дворцо-

вый шум остался позади. Голоса, звон посуды, торопливые шаги слуг растворялись за каменными стенами, пока коридоры не погрузились в привычную тишину. Здесь воздух становился влажнее и теплее, в нём уже чувствовался запах нагретого камня и минеральной воды.

Единственное место во дворце, где я мог остаться наедине с собой.

Я толкнул тяжёлую дверь купален и вошёл внутрь, надеясь хотя бы ненадолго избавиться от гнетущих мыслей.

Огромный зал тонул в мягком золотом свете факелов. Пар поднимался над водой и медленно расползался между высокими колоннами, смягчая очертания каменных стен и скрывая дальние проходы. Горячие источники тихо переливались через каменные уступы, и их ровный шум заполнял пространство, заглушая остальные звуки.

Я любил это место именно за тишину. Здесь не было придворных, советников, слуг и людей, которые смотрели на меня слишком внимательно, пытаясь понять, что скрывается за маской. Здесь можно было хотя бы ненадолго забыть, что я принц, сын короля и человек, от которого в ближайшие дни будут ждать слишком многого.

Я остановился у края купели и провёл ладонью по ремню маски. Металл давно перестал ощущаться чужим. Я носил её столько лет, что порой замечал её вес только тогда, когда снимал. Пальцы расстегнули крепление, и маска отделилась от лица. Тёплый влажный воздух коснулся кожи, оставив на

шраме едва заметный холодок.

Я на секунду прикрыл глаза, затем посмотрел вниз. В воде отражалось лицо, которое я предпочитал не рассматривать слишком долго: тёмные волосы, усталые глаза, резкие черты и неровный след, пересекающий правую сторону лица от виска к щеке. Шрам задевал край века, напоминая о том, что произошло много лет назад. Когда-то я не мог смотреть на него без злости. Теперь он просто был частью меня, следом старой боли, с которой я давно научился жить.

Я отвернулся и положил маску на скамью. Камзол лёг рядом с оружием, перчатками и остальными вещами. Вместе с одеждой я попытался оставить и напряжение, которое весь день держало плечи в постоянной готовности. Вошёл в воду и медленно опустился, позволяя теплу снять усталость с мышц. Горячие потоки обволокли тело, и впервые за весь вечер внутри стало немного тише. Разговор с Люцианом постепенно отступил на второй план. Сейчас я не хотел думать о церемонии и знати, которая уже делила будущую власть между собой, хотя корона ещё даже не коснулась головы наследника. Я спокойно выдохнул, закрыл глаза и откинул голову на нагретый камень.

Не знаю, сколько прошло времени. Возможно, несколько минут, возможно, больше. Я почти провалился в сон, когда тишину купален нарушил резкий всплеск.

Я мгновенно открыл глаза.

По поверхности расходились круги, разбегаясь от дальне-

го края купели. Я выпрямился и прислушался. Сначала подумал, что сюда вошёл кто-то из слуг, но затем услышал кашель.

Моя рука почти машинально потянулась к оружию, оставленному на скамье, однако остановилась на полпути.

Из воды показалась голова.

Девушка закашлялась, убрала мокрые волосы с лица и судорожно вдохнула, пытаясь восстановить дыхание. Платье тяжело тянуло её вниз, промокшая ткань облепила тело, вода стекала с волос и подбородка обратно в купель.

Я замер.

Та самая девушка без имени.

Она медленно подняла голову. Сначала на её лице появилось облегчение от того, что она наконец выбралась из воды, затем взгляд скользнул по купальням и остановился на мне. Некоторое время мы просто смотрели друг на друга. В огромном зале слышались лишь редкие капли, срывающиеся с её мокрых волос, и тяжёлое дыхание, которое никак не становилось ровным.

А потом я понял.

Маски не было.

Я машинально коснулся лица и сразу почувствовал пустоту там, где металл обычно отделял меня от чужих взглядов. Несколько секунд я не двигался, глядя на девушку, которая видела то, что не должен был видеть никто.

Она смотрела прямо на меня. На правую сторону лица,

которую я годами скрывал под металлом, на неровный шрам, начинающийся у виска и пересекавший кожу и край века. Её взгляд изменился: сначала в глазах мелькнуло удивление, затем настороженность. Я знал, какие реакции обычно следуют за таким открытием, и успел приготовиться к знакомому выражению чужого лица. Но она продолжала смотреть, пытаясь понять, что именно перед ней открылось.

Это внимание оказалось невыносимым.

Я резко поднялся. Вода с шумом разошлась от моего тела, ударившись о каменные края купели. Маска оказалась в руке почти мгновенно. Я натянул её на лицо и затянул ремешки сильнее, чем требовалось. Привычный металл вернулся на место. Лишь тогда я почувствовал, что снова могу дышать свободно.

— Что вы видели?

Мой голос прозвучал глухо и хрипло. Я не стал повторять вопрос, хотя девушка молчала и даже не сразу поняла, что должна ответить.

Я шагнул к ней, преодолев расстояние между нами одним движением, и схватил за шею. Не сжимал настолько, чтобы причинить боль, но держал крепко, не оставляя ей возможности отстраниться. Ладонь всё ещё хранила тепло воды, пальцы напряглись. Я хотел, чтобы она поняла: сейчас перед ней человек, который не собирается терпеть насмешку и любопытство.

Её дыхание сбилось. Под моей рукой напряглись мышцы,

а в глазах впервые за всё время нашего знакомства появился настоящий страх. Не тот, который она прятала за дерзостью, когда спорила с пятым принцем, а испуг человека, осознавшего, что зашёл слишком далеко.

— Я спросил, — повторил я тише, наклоняясь к ней, — что вы видели?

Она сглотнула. Каре-зелёные глаза на мгновение метнулись к моей руке, но затем снова поднялись к лицу.

— Ничего… — выдохнула она. — Я ничего не видела.

Я сразу понял, что девушка не так проста, какой пыталась показаться днём, размахивая руками перед Ауриком и демонстрируя безрассудную дерзость. Она испугалась, но сумела быстро оценить положение и выбрать ответ, который мог уберечь её от неприятностей. Осторожность в такой ситуации была куда разумнее бравады, однако от этого моя злость не становилась меньше.

Я ослабил хватку, но не отпустил её. Мне требовалось время, чтобы разобраться в собственных мыслях и решить, что делать дальше. Передо мной стояла незнакомка, которая несколько дней назад появилась в королевских купальнях, а теперь каким-то образом оказалась здесь снова.

И на этот раз она увидела моё лицо.

— Тогда объясните, — произнёс я холодно, — что вы делаете в купели принца?

Она вздрогнула. Видимо, только сейчас осознала, где находится и с кем разговаривает.

— Я… — начала она и тут же осеклась. — Я пыталась вернуть память.

Она пришла сюда не случайно, это стало очевидно. Возможно, решила, что купальни помогут ей вспомнить обстоятельства своего появления во дворце.

Девушка отвела взгляд.

Я отпустил её шею, но остался рядом, не позволяя уйти от разговора.

— Значит, пришли сюда намеренно? — спросил я.

Девушка молчала и, похоже, не собиралась рассказывать больше необходимого.

— Если вы решили, что молчание поможет избежать ответа, то ошибаетесь.

Я наклонился чуть ближе, стараясь говорить спокойно. На этот раз мне не требовалось повышать голос, чтобы она услышала каждое слово.

— Слушайте меня внимательно. Если вы хоть кому-нибудь — служанке, стражнику, принцу — расскажете о том, что увидели здесь, я вас убью.

Я сделал короткую паузу, позволяя угрозе прозвучать без смягчения.

— И не рассчитывайте, что ваше положение или покровительство Селии вас спасут. Я не позволю никому узнать, что находится под этой маской. Вы меня поняли?

***

Мне было трудно выдерживать его взгляд. Тело всё ещё ныло после резкого рывка, кожа горела от горячей воды, а сердце билось так тяжело, что каждый удар отдавался где-то в горле.

Я действительно думала, что он может убить меня. Прямо здесь, в купальне, среди пара, камня и тихого журчания воды, где любой крик утонул бы под высокими сводами, а моё исчезновение стало бы ещё одной тайной, о которой во дворце предпочли бы не говорить.

Я пришла сюда поздно, почти ночью, когда коридоры стихли, а последние шаги слуг давно растворились где-то в глубине дворца. Мне нужна была вода. Возможно, именно она была связана с моим появлением здесь. Если тогда вода смогла выбросить меня в Эйрхольм, возможно, она способна вернуть меня обратно. Я цеплялась за эту мысль, потому что других зацепок у меня попросту не было.

Я ошиблась.

Я вынырнула практически между ног четвёртого принца, захлёбываясь воздухом и пытаясь убрать с лица мокрые волосы. В первое мгновение не могла понять, что пугает меня сильнее: то, что ничего не получилось, или человек, который оказался здесь вместе со мной.

Мужчина пугал. И, к моему собственному раздражению, притягивал взгляд.

Я рассматривала его украдкой, почти против воли. Широкие плечи, резкие черты лица, глубокие карие глаза, тём-

ные волосы, влажные от пара и воды, и шрам, пересекавший правую сторону лица. Без маски он казался совсем другим.

— Вам нравится угрожать людям, не так ли? — вырвалось прежде, чем я успела прикусить язык.

Голос прозвучал хрипло, но достаточно твёрдо. Я цеплялась за остатки достоинства, потому что уступить ему сейчас означало признать, что он действительно способен заставить меня замолчать одним взглядом.

Я ожидала гнева, очередной угрозы или чего-то гораздо хуже. Однако уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Мне нравится тишина, — произнёс принц спокойно. — А вы её нарушили.

Каллум поднялся из воды и подошёл к каменному краю купели. Его движения оставались размеренными, и от этой невозмутимости мне становилось только неуютнее. Он взял одежду и перчатки, собирая вещи без единого лишнего движения, затем бросил на меня короткий взгляд.

— Уходите.

Всего одно слово. Я не сразу поняла, что он действительно отпускает меня. После угрозы, прозвучавшей всего несколько мгновений назад, такое спокойствие казалось почти пугающим. Я осторожно выбралась из воды, стараясь не делать резких движений. Ноги дрожали, но я заставила себя выпрямиться и не показать этого. Подняла с пола промокшее платье, прижала ткань к себе и направилась к двери.

У самого выхода я всё же обернулась. Каллум остался у

купели, его лицо снова скрывали маска, полумрак и пар. Он смотрел куда-то в сторону воды, словно уже забыл о моём присутствии. Я задержалась всего на секунду, а затем поспешила выйти, пока принц не передумал.

Я брела по коридорам, оставляя за собой тёмную дорожку воды. Она стекала с подола, капала с волос, собиралась неровными пятнами на каменном полу и постепенно исчезала, впитываясь в старые плиты. Дворец стирал следы моей глупости.

Платье я выжала ещё у дверей купален, стиснув мокрую ткань до боли в пальцах, но это почти не помогло. Она липла к ногам, тянула вниз, холодила кожу и с каждым шагом напоминала о случившемся.

Я увидела то, чего не должна была видеть. Случайно оказалась свидетельницей чужой тайны, которую её хозяин, судя по всему, готов защищать любой ценой. И теперь мне предстояло хранить молчание, даже если сама встреча с ним ещё долго не выходила бы у меня из головы.

Коридоры оставались пустыми. Редкие свечи горели в настенных нишах, разбрасывая по камню дрожащий свет, а между ними лежала густая темнота. Мои шаги гулко отдавались под сводами, и мне всё время казалось, что стоит обернуться — и я увижу за собой его высокую фигуру.

Когда я наконец добралась до своей комнаты и толкнула дверь, то сразу увидела Чессу. Она стояла возле кровати, сжимая передник в руках. При виде меня девушка резко вы-

дохнула и на несколько секунд застыла.

— Госпожа…

В её голосе было столько неподдельного испуга, что мне стало неловко.

— Я так волновалась! Вы просто исчезли. Так нельзя. Вы должны хотя бы говорить, куда идёте.

Я устало провела ладонью по лицу. Наверное, сейчас выглядела ужасно: мокрые волосы, промокшее платье, растрёпанный вид и совершённые глупости на несколько недель вперёд.

— Я думала, что не пленница в этом дворце, — тихо сказала я.

Чесса тут же замотала головой.

— Вы не пленница. Но осторожность не помешает. Особенно после того, что случилось с пятым принцем. Здесь много глаз и ушей.

Я вздохнула. Объяснять ей, где именно была и кого встретила, не собиралась.

— Я купалась.

Чесса замолчала. Сначала просто смотрела на меня, а потом её лицо заметно побледнело.

— В купелях принцев? — спросила она почти беззвучно.

Я ничего не ответила. Этого оказалось достаточно.

— Нельзя, — быстро произнесла служанка. — Для женщин есть отдельные источники, за садом, у старой стены. Если бы вас кто-нибудь увидел…

Она осеклась, и я отвела взгляд.

Хорошо, что никто не видел. По крайней мере, кроме одного человека.

И я видела его. Шрам, лицо, которое он так тщательно скрывал, и, как бы мне ни хотелось это отрицать, обнажённые плечи и торс. Теперь уже не имело значения, кто из нас оказался свидетелем чужой тайны первым.

— Я ничего не знаю о дворце, — призналась я. — Ни о принцах, ни о том, как здесь всё устроено.

Я посмотрела на Чессу.

— Расскажи мне про каждого. И… — я ненадолго замолчала, но всё же добавила: — Про принцессу тоже.

Девушка замялась, явно решая, сколько может себе позволить сказать. Затем присела на стул, сложила руки на коленях и начала говорить. Я осталась стоять напротив, постепенно собирая из её рассказа картину семьи, частью которой оказалась совершенно неожиданно для самой себя.

— Старший — кронпринц Адриан, — начала Чесса. — Наследник. Сдержанный и правильный до мозга костей. Его уважают, но не любят. Он слишком… далёкий. Всегда таким был.

Я кивнула. Человек, рождённый для трона. Наверное, с детства ему объясняли, что быть наследником — значит научиться держать чувства под замком.

— Второй принц — Итан. Он умён и опасен. И, если честно…

Чесса понизила голос.

— Принц легко управляет придворными, ставит на место любого, кто посмеет ему возразить.

Я нахмурилась, запоминая имя. Судя по всему, в этой семье хватало людей, с которыми лучше не спорить.

— Третий — Люциан.

На этот раз голос служанки заметно потеплел.

— Вы его знаете. Он добрый и справедливый. Народ его любит. Госпожу Селию тоже. Если бы короля выбирали сердцем, многие выбрали бы именно его.

Я вспомнила спокойный взгляд Люциана, его манеру разговаривать и то, как он относился к слугам. Теперь мне стало понятнее, почему у него столько сторонников.

— А четвёртый? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Чесса замолчала, и я терпеливо ждала продолжения.

— Ну, тут вы уже сами всё понимаете, — наконец произнесла она. — Он вырос в другом королевстве. Там иные законы, более жёсткие. Его боятся.

Девушка пристально посмотрела на меня.

— И правильно делают.

Моё сердце неприятно сжалось. Перед глазами снова возникло лицо Каллума без маски, а следом — его рука на моей шее и обещание убить. Я заставила себя сосредоточиться на разговоре.

— Пятый — Аурик, — продолжила Чесса, и теперь в её голосе появилась лёгкая раздражённость. — Самый млад-

ший. Избалованный и дерзкий.

Я почти усмехнулась. С этим определением спорить было сложно.

— А принцесса?

Вопрос вырвался тише, чем остальные. Я уже знала ответ, но всё равно хотела услышать его от Чессы.

Служанка поджала губы.

— Аурелия. Единственная дочь короля. Очень красивая и очень холодная. Принцесса прекрасно знает, кем является, и никогда не позволит вам об этом забыть.

Это я прекрасно понимала и без предупреждений Чессы.

Впрочем, разговор неожиданно принял другой оборот. Девушка улыбнулась — не той осторожной, вежливой улыбкой, которую служанка привыкла дарить своей госпоже, а живой и немного лукавой. На несколько секунд она позволила себе быть просто молодой девушкой.

— Если быть совсем честной… — протянула Чесса, слегка склонив голову, — Аурик мне кажется милым.

Я не удержалась от короткого смешка. Боль, страх и тяжесть последних часов на мгновение отступили, оставив после себя редкое ощущение лёгкости.

— Ах, вот как! — сказала я с притворным возмущением. — Значит, я тут, выходит, защищала тебя от его подглядываний, а тебе это ещё и понравилось?

Чесса тихо рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

— Немного, — призналась она, и на щеках проступил ру-

мянец. — Это льстит. Всё-таки не каждый день на тебя обращает внимание сам принц.

— Даже если этот принц ведёт себя как невоспитанный мальчишка?

— Он бывает… настойчивым, — ответила Чесса, опустив глаза. — Но всё равно приятно, когда кто-то замечает тебя.

Я покачала головой, улыбаясь. Похоже, у моей новой подруги имелись собственные представления о том, что считать приятным вниманием. И всё же я не стала её переубеждать. Возможно, ей просто хотелось немного помечтать, а мне — не портить этот момент.

Только теперь я поняла, насколько мне не хватало простого разговора и смеха. Возможности на несколько минут забыть о том, что вокруг меня чужой дворец, незнакомые правила и люди, каждый из которых способен одним словом изменить мою судьбу.

Но улыбка быстро исчезла.

— Чесса, — сказала я уже серьёзно. — А что будет со мной?

Служанка посмотрела на меня внимательнее.

— За то, что я… — я запнулась, подбирая слова, — толкнула королевского отпрыска.

Тяжёлая формулировка повисла между нами. Чесса сразу перестала улыбаться.

— Будем надеяться, что господин Люциан всё уладит, — осторожно произнесла она. — Вы ему нравитесь. Думаю, он

постарается вам помочь.

Я резко подняла голову.

— Что значит — нравлюсь?

Чесса тут же замахала руками.

— Нет-нет, не так! Конечно, не как девушка. У него прекрасная жена, вы же знаете. Я имела в виду… как фрейлина госпожи Селии.

Я кивнула, принимая объяснение, хотя полностью убедить себя в нём не смогла. Иногда Люциан смотрел на меня слишком внимательно, задерживал взгляд дольше, чем требовала обычная вежливость. Возможно, он просто пытался понять, кто я такая и откуда появилась. В конце концов, на его месте я бы тоже не спешила доверять незнакомке без прошлого.

Я не стала продолжать эту мысль. В этом дворце даже невинный взгляд мог обрести значение, которого ему никто не придавал.

Позже, когда Чесса помогла мне переодеться и наконец оставила одну, я прилегла на кровать и уставилась в тёмный балдахин над головой. Перед глазами снова и снова возникали обрывки последних часов: принцы, голоса, коридоры, злость, горячая вода, чёрная маска и лицо, которое я теперь знала без неё. Всё переплелось настолько тесно, что я уже не могла отделить одно событие от другого.

Я всё ещё не понимала, как оказалась в Эйрхольме. Не знала, существует ли вообще способ узнать своё прошлое и

выяснить, что за несчастный случай произошёл со мной. И, возможно, самым опасным было даже не то, что я нарушила королевские правила и успела перейти дорогу нескольким принцам.

Я начинала видеть в них не титулы, а людей. И от этого всё становилось гораздо сложнее.

Глава 5

Шла уже вторая неделя моего пребывания в Эйрхольме, и время здесь текло странно. Дни растягивались, теряя привычный ритм, а дворец умел превращать несколько часов в целую вечность.

Ничего по-настоящему страшного не происходило. Никто не врывался в мою комнату среди ночи, не тащил на допрос и не требовал объяснений из-за драки с пятым принцем. Я подозревала, что без Люциана здесь не обошлось. Возможно, он действительно поговорил с братом. А может, во дворце просто хватало других проблем, чтобы моя очередная катастрофа быстро потеряла значение.

За эти дни я успела изучить дом третьего принца почти полностью. Знала, в какой галерее по утрам особенно сильно пахнет влажным камнем, где в узких переходах гуляют сквозняки и в какие часы солнце проникает через высокие окна, окрашивая серые стены мягким золотом. Дом Люциана удивительно походил на своего хозяина. Я ожидала увидеть в жилище принца больше роскоши, но вместо этого обнаружила спокойствие, порядок и сдержанность. Тёмное дерево, светлый камень, старинные гобелены без лишнего блеска. Даже слуги двигались здесь тише, чем в других частях дворца.

Каллум исчез.

Поначалу его отсутствие принесло мне облегчение. Затем начало раздражать, а спустя несколько дней я поймала себя на мысли, что слишком часто вспоминаю о нём. Иногда мне чудилось, что в дальнем конце сада мелькнула высокая фигура в чёрном плаще. Я невольно задерживала взгляд, но вскоре понимала, что передо мной всего лишь стражник или слуга. Каждый раз я злилась на себя за то, что вообще искала его глазами.

Люциан тоже почти не появлялся. Он уходил рано, возвращался поздно и всё больше времени посвящал дворцовым делам и подготовке к предстоящей церемонии. Иногда я видела его мельком — на лестнице, в библиотеке или за завтраком. Мы обменивались короткими фразами и вежливыми улыбками, однако каждый раз между нами оставалось что-то недосказанное.

Чаще всего моё время проходило с Селией. Мы гуляли по садам почти каждый день.

Альмарена, столица Эйрхольма, в конце осени была удивительно красивой. Дорожки петляли между золотисто-зелёными кустарниками, старые деревья отбрасывали на землю тонкие тени, а воздух пах влажной землёй и цветами, названий которых я всё ещё не знала. Иногда над головой пролетали птицы с ярким оперением, иногда ветер приносил запах моря, хотя самого моря отсюда не было видно.

Селия любила говорить о простых вещах: садах, книгах, платьях, погоде, мелочах, которые в этом дворце почему-то

казались особенно ценными. Она редко касалась политики и почти никогда не рассказывала о своей семье, но даже этих разговоров хватало, чтобы я всё сильнее к ней привязывалась. В ней не было высокомерия, которого я ожидала от девушки её положения. Селия оставалась доброй без показной мягкости и сильной без необходимости кому-либо это доказывать. Рядом с ней мне становилось легче дышать.

Иногда я украдкой наблюдала за ней и пыталась представить, какими они были с Люцианом в первые дни знакомства. Был ли их брак политическим союзом или между ними действительно с самого начала вспыхнули чувства? Смеются ли они, когда остаются наедине? Ссорятся? Скучают друг по другу, когда долго не видятся? Любопытство не раз подталкивало меня задать эти вопросы, но я вовремя останавливалась.

Однажды дом третьего принца посетила Аурелия. Это оказалось неожиданно тревожным событием.

Принцесса была настолько вежлива, что мне сразу стало не по себе. Никаких колкостей, насмешек или демонстративно холодных взглядов. Она улыбалась Селии, спокойно поддерживала разговор и несколько раз обращалась ко мне вполне дружелюбным тоном. Именно это настораживало больше всего.

Открытую неприязнь понять легко. Она честна. С ней хотя бы знаешь, чего ждать. Но Аурелия была другой. Я чувствовала её внимание даже тогда, когда принцесса смотре-

ла в другую сторону. Девушка ничего не спрашивала напрямую, но от её молчания становилось неуютнее, чем от прямого допроса.

После её визита я впервые всерьёз задумалась о королеве. Если дочь производила на меня такое впечатление, какой тогда была её мать? Интуиция подсказывала, что встреча с королевой вряд ли окажется приятной.

А потом настал день церемонии, о которой во дворце говорили всю неделю.

К ней относились с таким почтением, какое обычно испытывают к древним обычаям, происхождение которых давно затерялось в веках. Я узнала, что каждый год шаманы проводят для наследника престола обряд очищения и изгнания злых духов. Церемония существовала сотни лет и появилась задолго до нынешней династии. Когда-то корону считали не только символом власти, но и своеобразным проклятием. Люди верили, что вместе с ней наследник привлекает внимание сил, которым не место среди живых.

Звучало дико. Но ещё совсем недавно мне самой показалось бы диким любое предположение о том, что я могу очнуться посреди чужого королевства без памяти. Поэтому теперь я старалась не торопиться с выводами.

К тому же церемония давала возможность впервые увидеть остальных принцев. До сих пор я знала только Люциана, Каллума и Аурика. Наследник престола оставался для меня почти мифической фигурой, существующей лишь в разгово-

рах других людей. Чем ближе становился день обряда, тем сильнее разгоралось моё любопытство.

Чесса принесла платье ближе к вечеру. Я долго смотрела на него, прежде чем решилась прикоснуться.

Изумрудный бархат оказался тяжёлым и удивительно мягким. Ткань переливалась при каждом движении, меняя оттенок от глубокого зелёного до почти чёрного. Серебряная вышивка на рукавах напоминала переплетающиеся ветви, а длинная юбка ниспадала до самого пола тяжёлыми складками.

Такое платье явно предназначалось не для девушки, которая ещё совсем недавно валялась в дорожной пыли и не могла вспомнить даже собственного имени.

— Вы сегодня затмите половину двора, госпожа, — выдохнула Чесса, завязывая последние ленты на моей спине. — Только не говорите принцессе Аурелии о моих словах.

Я тихо улыбнулась.

Когда Чесса закончила, я подняла взгляд на зеркало и на несколько секунд перестала узнавать собственное отражение. Она собрала мои волосы в сложную косу, вплетя в неё тонкие серебристые нити и маленькие белые цветы. Несколько прядей свободно обрамляли лицо. На фоне тёмного бархата кожа казалась светлее, а глаза — ярче.

Я смотрела на девушку в зеркале и впервые видела в ней кого-то, кто действительно мог бы принадлежать этому миру.

Почти.

За платьем, серебром и цветами всё равно оставалась девушка, которая до сих пор не знала, как оказалась в Эйрхольме и почему именно ей выпало место среди людей, для которых этот дворец был домом с самого рождения. Рано или поздно люди начнут задавать настоящие вопросы. Откуда я родом? Кто мои родители? Как называется деревня, в которой я выросла? Какие земли лежат за соседней рекой, кто правит ими, какие города находятся дальше? И на каждый из этих вопросов мне придётся либо лгать, либо молчать, потому что правды я не знала.

Из коридоров уже доносились голоса, торопливые шаги и негромкий звон украшений. Воздух пропитался вином, благовониями и тем особенным напряжением, которое появляется во дворце перед большим событием. Казалось, вся Альмарена затаила дыхание в ожидании начала древнего обряда.

У входа в главный дворец нас уже ждали Люциан и Селия.

Третий принц был безупречен, как всегда. Тёмный камзол, расшитый серебряной нитью, подчёркивал широкие плечи и прямую осанку, а волосы были собраны в низкий хвост, открывая спокойное, благородное лицо. Рядом с ним Селия казалась почти неземной в платье цвета лунного камня. Светлая ткань мягко переливалась в лучах заходящего солнца, а тонкая диадема мерцала среди золотистых волос.

Они действительно подходили друг другу.

Я поспешно отвела взгляд. После разговоров с Чессой

мне стало гораздо труднее делать вид, что я ничего не замечаю. Раньше я убеждала себя, что взгляды Люциана — всего лишь проявление вежливости, забота хозяина дома о девушке, оказавшейся в беде. Но теперь всё чаще ловила его взгляд раньше, чем успевала поднять глаза, и каждый раз замечала в нём что-то тёплое, мягкое, почти задумчивое.

— Готовы? — спросил Люциан.

Голос прозвучал ровно, как обычно, но мне почему-то показалось, что вопрос предназначался не всем.

— Конечно, — ответила за нас Селия, улыбнувшись ему.

Мы двинулись через сад. Солнце уже касалось горизонта, окрашивая дорожки и стены в густое янтарное золото. Деревья отбрасывали длинные тени, ветер перебирал листву, а за кронами старых вязов постепенно появлялся главный дворец.

Каждый раз, когда я его видела, он поражал меня заново. Камень вспыхивал в последних лучах солнца, высокие башни уходили в темнеющее небо, а над шпилями медленно двигались знамена королевского дома. Издали дворец казался слишком совершенным для обычного здания, пережившим столько поколений, что человеческая жизнь рядом с ним выглядела почти незначительной.

Откуда-то из глубины сада доносилась музыка. Её звуки плыли над дорожками вместе с вечерним воздухом.

— Это ежегодный праздник, — негромко напомнила Селия, когда мы начали подниматься по широким мраморным

ступеням. — День очищения. Сегодня шаманы проведут обряд изгнания злых духов, чтобы те не смогли приблизиться к наследнику.

Мы вошли внутрь.

После мягкого золота заката дворец ослеплял. Свет сотен ламп отражался в полированном мраморе, хрустальные люстры сверкали под высоким потолком, золото на стенах вспыхивало при каждом движении, а драгоценные камни на шеях придворных рассыпали по залу разноцветные отблески.

Всё вокруг сияло, и среди этого великолепия я особенно остро чувствовала себя чужой.

Люциан обернулся. Наши взгляды встретились всего на секунду. Он едва заметно улыбнулся, но я первой отвела глаза, потому что слишком хорошо понимала, чего именно боюсь.

Сам обряд оказался гораздо более закрытым, чем я ожидала. В главный зал допускали только членов королевской семьи и представителей древнейших аристократических домов Эйрхольма, чьи родословные уходили так глубоко в прошлое, что их имена встречались в летописях рядом с именами первых королей.

Остальным предстояло ждать. Хотя назвать ожиданием то, что происходило в приготовленном для гостей зале, было бы почти насмешкой.

Высокий сводчатый потолок терялся в полумраке распис-

ных арок. По стенам тянулись древние фрески с изображениями старых богов, духов лесов и героев давно забытых эпох. Массивные колонны обвивали живые ветви, среди которых белели гирлянды цветов, наполнявшие воздух сладким ароматом. В бронзовых светильниках горело душистое масло, и его золотистый свет ложился на лица мягкими бликами.

Музыка не смолкала ни на секунду. Струны тянули длинные, тягучие мелодии, флейты вплетались в них тонкими переливами, а где-то далеко медленно били барабаны, задавая празднику тяжёлый, размеренный ритм.

Люди смеялись, переговаривались, поднимали кубки. Никто не думал о том, что происходило за закрытыми дверями. Здесь праздновали, пили и улыбались, а внутри дворца в это время совершался древний обряд, от которого зависела судьба будущего короля.

На длинных столах теснились блюда. Запечённое мясо источало запах специй и дыма, золотистые фрукты блестели под тонким слоем мёда, рядом лежали корзины с ещё тёплым хлебом и десятки сортов сыра. В высоких кувшинах темнело густое вино.

Чесса вскоре исчезла среди других служанок, а я осталась одна. Медленно взяв кубок, я сделала небольшой глоток. Вино оказалось крепче, чем я ожидала, и тепло разлилось внутри приятной тяжестью.

Прошло несколько часов с начала праздника. Вино успело немного согреть кровь и ослабить напряжение, которое

всё это время не позволяло мне окончательно расслабиться. Мир вокруг стал мягче: краски потеряли резкость, смех зазвучал теплее, музыка — глубже, а золотистый свет ламп расплылся по залу лёгкой дымкой.

Я как раз поднесла кубок к губам, когда почувствовала, что что-то изменилось.

Сначала почти незаметно. В дальнем конце зала начали стихать разговоры. Кто-то повернул голову к дверям, за ним — ещё несколько человек. Музыканты продолжали играть, но мелодия отошла на второй план, уступив место едва уловимому напряжению, которое быстро распространялось по залу. Разговоры затихали один за другим, и вскоре десятки взглядов уже были направлены в одну сторону.

В зал входили принцы.

Все пятеро.

Они не шли строем и не пытались привлечь к себе внимание. Их имена никто не объявлял, барабаны не били, придворные не падали ниц. В этом не было необходимости. Люди сами расступались перед ними, почти не замечая собственного движения. Кто-то склонял голову, кто-то, наоборот, старался поймать внимание одного из принцев.

Я впервые увидела их всех вместе.

Старший шёл первым.

Наследник Адриан.

Я поняла это ещё до того, как кто-либо произнёс его имя. Тёмно-синий камзол был расшит серебром, тонкие узоры на-

поминали морозные линии на стекле. Длинные светлые волосы убраны назад, открывая правильное, почти холодное лицо. Он смотрел только вперёд.

Следом шёл второй принц.

Итан.

Если Адриан напоминал зимнее небо перед снегом, то в Итане ощущалось другое — тепло, которое могло обжечь, если подойти слишком близко. На первый взгляд он казался даже дружелюбнее старшего брата. На губах играла лёгкая улыбка, в глазах блестел неподдельный интерес.

Но стоило присмотреться, и становилось не по себе.

Он смотрел на придворных, слуг, гостей и послов. Его взгляд задерживался на каждом человеке ровно настолько, чтобы успеть что-то заметить, запомнить, оценить. Принц улыбался, а глаза продолжали работать. Тёмно-зелёный наряд с золотой отделкой выглядел роскошно, но рядом с этой улыбкой казался самой безобидной частью его образа.

Я вспомнила слова Чессы о том, что Итан беспокоит короля, и впервые действительно поняла почему.

Третьим я увидела Люциана.

Среди других братьев он выглядел удивительно живым. Его улыбка не казалась частью придворного ритуала, взгляд не скользил по залу в поисках слабых мест. Расшитый камзол подчёркивал широкие плечи, собранные волосы открывали лицо, которое многие женщины наверняка считали красивым. И не без причины.

Его взгляд скользнул по толпе и остановился на мне. Всего на секунду, но мне хватило. Слова Чессы всплыли в памяти слишком вовремя, и теперь я уже не могла убедить себя, что не замечаю его внимания.

Четвёртым я заметила Аурика и едва заметно закатила глаза.

Даже в праздничном наряде он выглядел младше остальных. В нём всё ещё оставалось что-то мальчишеское — нетерпеливое, самодовольное, шумное. Он оглядывался по сторонам с таким видом, словно пришёл не на государственную церемонию, а на ярмарку, где его вот-вот должны были развлечь.

Каллум шёл последним, но не потому, что отставал. Просто сам выбрал это место.

Между ним и братьями оставалось несколько шагов, но расстояние казалось гораздо больше. Он действительно выглядел человеком, случайно оказавшимся среди собственной семьи.

На нём снова был чёрный наряд. Ни золота, ни серебра, ни ярких цветов — только тёмная ткань, тяжёлый плащ и знакомая маска, закрывающая половину лица. Даже здесь, среди музыки, света и дорогих тканей, от него исходило что-то тяжёлое и опасное. Я прекрасно понимала, что от него нужно держаться подальше, и всё же взгляд упрямо возвращался к его фигуре.

Каллум не повернул головы. Даже не посмотрел в мою

сторону.

Пять принцев остановились в центре зала.

Разговоры постепенно возобновились. Музыка стала громче, слуги поспешили наполнить кубки, и праздник продолжился. Но я ещё долго смотрела на братьев, пытаясь понять, как одна кровь могла породить настолько разных людей.

Будущий король. Опасный интриган. Добрый принц. Избалованный мальчишка. И человек в чёрной маске, который казался чужим среди собственной семьи.

Королевская чета так и не появилась. Троны оставались пустыми.

Два огромных кресла из тёмного дерева, украшенные золотом и тонкой резьбой, возвышались над залом и молчаливо напоминали о власти, которая сегодня предпочла остаться за закрытыми дверями.

Почему?

Вопрос неприятно зацепился в голове. Если церемония посвящения наследника настолько важна и весь дворец несколько недель жил её ожиданием, почему король и королева не появились перед гостями? Почему оставили своих сыновей принимать внимание двора без них?

Я снова посмотрела на возвышение и почувствовала странное беспокойство.

Чтобы не зацикливаться на нём, я перевела взгляд на толпу и почти сразу заметила серебристое мерцание ткани.

Моё настроение испортилось мгновенно.

Придворные расступались перед Аурелией почти так же охотно, как перед братьями, а принцесса принимала это внимание как должное. Я отвернулась: сегодня мне совершенно не хотелось с ней сталкиваться. После нашей последней встречи я прекрасно понимала, чем может закончиться ещё один разговор, особенно после нескольких бокалов вина. Поэтому всякий раз, когда среди гостей мелькал серебристый блеск её платья или вспыхивали драгоценные камни в волосах, я незаметно меняла направление. Пряталась за колоннами, за группами придворных, оказывалась возле столов с угощениями — лишь бы не пересечься с ней взглядом.

Я подняла кубок и сделала небольшой глоток. Вино оказалось мягким, с лёгкой фруктовой сладостью и терпким послевкусием. В голове приятно шумело — совсем немного, ровно настолько, чтобы перестать ждать неприятностей каждую секунду.

И именно поэтому я снова посмотрела туда, куда смотреть не следовало.

Каллум стоял чуть в стороне от братьев. Он не разговаривал, не пил и не улыбался. Вокруг него продолжался праздник, но сам мужчина оставался совершенно к нему безразличен. Его взгляд постоянно скользил по залу, задерживаясь на отдельных людях и участках помещения, словно он искал что-то, чего остальные не замечали. По моей спине пробегал неприятный холод: в его присутствии вечер переставал

казаться праздничным.

Люциан, напротив, был соткан из света. Он танцевал с Селией, и я ловила себя на том, что улыбаюсь, глядя на них. Рядом с этой парой воздух казался мягче. Цвет камзола удивительно подчёркивал зелёные глаза принца. Он наклонялся к Селии, что-то шептал ей на ухо, и она смеялась — искренне, легко, словно этот дворец действительно был безопасным местом.

Адриан стоял чуть поодаль и разговаривал с Итаном.

В старшем принце было что-то холодное и отстранённое, почти королевское, даже без короны. Наверное, так и должны выглядеть будущие короли. Итан, напротив, казался напряжённым: его движения были резче, улыбки — слишком быстрыми. Между братьями совершенно точно ощущалась невидимая трещина.

Аурик…

Пятый принц флиртовал.

Он был окружён фрейлинами, смеялся, наклонялся ближе, позволял себе касаться пальцами их рук и локтей. Девушки охотно поддерживали его игру, и, судя по их улыбкам, внимание принца им нравилось.

Я не могла не заметить взгляд Чессы. Она старалась скрыть его, делала вид, что занята делом, но глаза то и дело возвращались к Аурику, задерживаясь на его улыбке. В этом взгляде было столько наивного, тихого восхищения, что мне стало почти больно за её тайное желание. В мире, где между

принцем и обычной служанкой лежала такая огромная пропасть, даже безобидная симпатия могла обернуться для неё чем-то гораздо более сложным.

Всё изменилось в один-единственный миг — так резко и окончательно, что я с трудом могла вспомнить, что происходило за мгновение до этого.

Сначала упал стражник у входа.

Я услышала глухой, странный звук — не крик и не удар, — и только потом увидела, как его тело дёрнулось и осело на каменный пол. Между лопаток торчала стрела.

Музыка оборвалась не сразу. Несколько музыкантов ещё успели сделать движение: смычок скользнул по струнам, кто-то набрал воздух, чтобы продолжить мелодию, но затем один схватился за горло, другой рухнул на колени, а третий выронил инструмент. Тишина накрыла зал так резко, что у меня заложило уши.

А потом раздался крик.

Он поднялся мгновенно, превратившись в оглушительную волну из сотен голосов, ужаса, непонимания и паники. Всё вокруг пришло в движение: люди толкались, хватали друг друга, кто-то падал и звал на помощь, не осознавая происходящего. Меня резко оттеснили к стене. Чья-то рука вцепилась мне в плечо, другая — в локоть, и я больно ударилась спиной о холодный камень, чувствуя, как из лёгких вырывается воздух.

Именно тогда я их увидела.

Из толпы появлялись люди в одинаковых масках льва. Застывшие хищные морды скрывали лица, а тёмные прорези для глаз делали их ещё страшнее. Незнакомцы не бросались на всех подряд и не нападали без разбора. Они двигались целенаправленно, почти слаженно, рассекая людской поток и прокладывая себе путь к одной цели.

К наследнику.

Адриан стоял неподвижно и даже не пытался укрыться за спинами придворных. Первый принц просто смотрел на приближающихся людей.

В тот момент он напоминал статую: безупречная осанка, спокойное лицо, ясный, оценивающий взгляд. В голове вспыхнула дикая, пугающая мысль: *он знал?*

От этой догадки стало по-настоящему страшно.

Покушение? Нападение? Часть какого-то ритуала?

Я не понимала, что происходит. Разум метался, пытаясь найти знакомые слова для происходящего ужаса, но мир рушился быстрее, чем я успевала думать.

Одно движение — резкое, стремительное, почти неуловимое.

Каллум вырвался из толпы так внезапно, что я не успела даже вдохнуть. Он выхватил меч, и металл блеснул в свете факелов. Принц рванулся вперёд, к человеку в маске льва, который уже поднял оружие и сделал шаг к наследнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.